

Б. Конофальский

РЕЙД

ОАЗИСЫ

16+

Рейд

Борис Конофальский

Рейд. Оазисы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Конофальский Б.

Рейд. Оазисы / Б. Конофальский — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Рейд)

Их приход на Землю изменил мир до неузнаваемости. Флора и фауна не просто стали другими, они стали максимально враждебными к человеку. Более или менее комфортные условия сохранились лишь на Крайнем Севере, где ещё цветут персики и выращивают яблоки. Весь остальной мир – раскалённая печь, в которой практически остановился круговорот воды. Обычная пресная вода стала самым ценным ресурсом, за который ведут борьбу люди, большие компании и целые государства. Централизованное управление сохранилось, но совершенно в иной форме. А вот люди... Люди остались прежними. И в этом мире своим путём идёт геодезист Горохов.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	44
Глава 10	48
Глава 11	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Борис Конофальский

Рейд. Оазисы

Глава 1

Его словно за пыльник кто-то сильно дёрнул сзади, и у него отнялась левая рука. Онемела сначала за секунду, а потом её как не стало. Даже почти больно не было. А вот в спине боль чувствовалась, как будто туда со всего маху врезали тяжёлым сапогом так, что рёбра ниже левой лопатки хрустнули.

Горохов сразу понял, что это было. Не сапог, не кулак и не камень. Это пуля попала ему в рёбра, в спину, ниже левой лопатки. Он знал это, потому что в него уже попадали пули. На сей раз пуля была немаленькая и стреляли справа, чуть сзади.

Повезло. Он не захлебнулся кровью, легкое не разорвано. Прошла по касательной.

Не повезло. Вышла из подмышки и пробила насквозь левую руку чуть выше локтя.

На нём была ультракарбоновая кольчуга, но для стальной винтовочной пули в десять миллиметров это не было преградой. Хоть две кольчуги надень, всё равно прошьёт навывлет. Так и получилось. Сталь прошла через кольчугу трижды, и лишь уже пробив насквозь руку, в четвёртый раз кольчугу она пробить не смогла, застряла в рукаве.

Каким-то чудом, иначе это и не назовёшь, он смог одной рукой, хотя ехал по ухабам, удержать мотоцикл на ходу. Слава Богу, скорость была совсем небольшая. Мало того, почувствовав удар и боль, он не растерялся и, выкрутив акселератор, прибавил газа. Свалился он тогда с мотоцикла, упади – всё, смерть! Если стрелявший ему на ходу влепил пулю, то в него, в лежащего, положил бы вторую пулю со стопроцентной гарантией.

Наверное, от шока, а может, от того, что левая рука повисла бесполезной плетью, его болтало в седле, мотало из стороны в сторону на каждой кочке, и мотоцикл кидало то влево, то вправо, но он умудрился не упасть, удержать машину на ходу. Он даже ещё прибавил газа и заскочил за длинный бархан в три метра высотой. Тут его не могли достать.

Он сразу понял, откуда стреляли. Выстрел был произведён с дюны, с песчаной горы в тридцать метров высотой, что тянулась с юга на север несколько километров. Там, на вершине дюны, было отличное место для стрелка. Лучше не придумать. Барханы из песка пыли и тли ветер гоняет по степи как волны по воде, но дюны стоят годами, потому что они всегда опираются на камень, на утёсы. Там, на вершине такой дюны, на твёрдом камне всегда есть укромное местечко, с которого видно всё вокруг на многие, многие километры. Там и сидел стрелок со своим вторым номером.

До дюны тысяча метров, ну, может, чуть меньше. Оттуда по движущейся цели в сумерках мог попасть только очень, очень, очень хороший стрелок. Горохов догадывался, кто это был.

Их называли по-разному: степняки, степная мразь, пятнистые, выродки, дегенераты, людоеды, трупоеды, дикари.

Некогда это были люди, но теперь это были существа, которые уже приспособились жить в степи, которых не убивало солнце, не убивала жара, не мучила жажда. Существа, которые не носили очков и респираторов, но не слепли от белого солнца, не задыхались от степной пыли пополам со степной тлёт. Их кожа имела светло-коричневый цвет с тёмно-коричневыми пятнами. Эти пятна не покрывали только их лица, ладони, ступни и животы. Они ходили голые и не страдали ни от солнечных ожогов, ни от всякой гадости типа базалиом или меланом. Их головы, а у мужчин ещё и морды, заросли чёрными, густыми волосами, которые защищали их мозги от страшной, испепеляющей пустынной жары. Хотя, что там у них защищать. Своими мозгами они давно не пользовались, делать ничего не умели. Ничего не строили, ничего не

создавали. Жрали все, что могли сожрать, и воровали все, что могли украсть. Их кожа всегда была сальна, и на это сало обильно садилась светлая степная пыль, поэтому издали их трудно было отличить от тех барханов, рядом с которыми они находились. Присядет такой в теньке бархана, сидит, тварь, с винтовкой в руках и ждёт тебя, а ты идёшь к нему и до последнего момента его не видишь. До последнего момента...

В глазах у них нет белого цвета. Их белки абсолютно желты, как у человека с тяжело больной печенью. Но видят они отлично, никакое солнце их не слепит, стреляют они так же, как и видят.

И с каждым годом с юга их приходило всё больше и больше. Они накатывали волнами. Год за годом пустыня извергала новых и новых опасных врагов. Они всегда приходили с юга, из самого пекла. И каждое новое племя было многочисленнее, сильнее и выносливее предыдущих. Единственное, кажется, чем они болели, так это степной проказой. Но она выедала их слишком медленно. Намного медленнее, чем они воспроизводились.

Ему оставалось немного, километра два-три, он уже видел оазис, когда недавно поднимался на высокий бархан. Но доехать до оазиса, когда из тебя хлещет кровь, что заливает всё вокруг, да ещё в сумерках, вряд у него получится. Нет, он просто потеряет сознание и свалится на песок. А ещё ему захотелось откашляться.

Покашлял немного, не снимая респиратора. Во рту появился знакомый и мерзкий привкус крови. Дело было хуже, чем он думал, кажется, пуля порвала ему ещё и лёгкое. Нужно было останавливаться.

Горохов не поставил мотоцикл, не до того ему было, самому бы не упасть, бросил его и тот повалился на склон бархана, на песок. Схватил сумку. Её тоже на песок кинул. Стянул на подбородок респиратор, дышать нечем, воздуха не хватает, приподнял очки, они в пыли. Аптечка. Нашарил её рукой. На всякий случай достал из сумки обрез двустволки двенадцатого калибра. Тоже кинул на песок рядом с сумкой. Проверять его не стал, он всегда у него заряжен, только курки взвести. Огляделся. Бархан длинный, высокий. Нет, дробовик тут, скорее всего, не понадобится, это вещь хороша для стрельбы с десяти шагов, ну, а для настоящего дела у него на поясе есть кое-что получше. Тесак на поясе – вещь в степи незаменимая. Но сейчас он только мешает. Отстегнуть бы его, снять с пояса, но нет ни возможности, ни времени.

Сел рядом с сумкой, секунду переживал боль. Так, теперь надо не мельтешить и не тупить. Времени мало. Эти твари сейчас бегут сюда. Они видели, что попали. Они знают, что тут есть, чем поживиться. Им многое в его сумке и мотоцикле придётся по вкусу. А после они сожрут его. Зажарят в полдень на раскалённом камне и сожрут.

Ему нужно было торопиться. Он всё это делал не один раз. И себе, было такое, и другим. Такое бывало часто.

Первым делом – биогель. Тюбик с патрубком. Он вытащил его, зубами сорвал колпачок. Если нет возможности зашить рану – это как раз то, что вам нужно. Главное – найти в себе силы загнать патрубок в рану. Загнать без обезболивающего, у него есть такая ампула, есть, но ждать действия придётся несколько минут. А у него этих минут нет, и ещё у него всего одна рука.

Не раздумывая, не собираясь с силами и не вздыхая, он нашёл прорехи в одежде и кольчуге и ввёл белый патрубок в рану. В ту дыру в боку и подмышке, из которой пуля вышла. А дыра-то немаленькая, вся рубаха слева под рукой липкая. И на пыльнике огромное чёрное пятно. А ещё пальцы прикоснулись к чему-то острому. Сразу понял – это обломок его ребра торчит. Боль пронзила его всего от копчика до макушки. Пришлось даже зажмуриться. Одна секунда. Всё. Теперь дальше. К дьяволу боль. Секунда, и можно про неё забыть, теперь он давил поршень, загоняя в рану гель. Три четверти залил в рану, вытащил патрубок. Теперь рука.

Боль ещё сильнее, да и рукава пыльника и кольчуги мешали сразу попасть в рану под правильным углом. Пришлось ковыряться в ране патрубком, выискивать нужный угол. Боль

сильная, долгая, едва не зарычал, пока всё сделал. Но сделал. Всё, тубик летит в песок. Теперь шприцы. Белый – антибиотик общего действия. Колпачок на песок, игла через парусину штанов входит в бедро.

Он оглядывается, выбрасывая пустой шприц. Скоро придёт с востока глубокая степная темень, она уже наползает. В тени барханов уже чернота. Солнце касается лишь макушек этих пыльно-песчаных волн. Это хорошо. Ночью этим дикарям его будет труднее найти, ночью они не так хороши, как при свете солнца.

Синий шприц – обезболивающее. Нет, пока он ещё может терпеть боль, пока он это колоть не будет. Эта дрянь, конечно, снимает боль, но она ещё и дурманит голову, с ней как пьяный будешь, а ему, может, ещё и пострелять придётся. Красный – стимулятор. Вот это дело, это вещь, но его он сейчас тоже не будет использовать, побережёт на крайний случай.

Горохов кладёт шприцы в карман пыльника. Интересно, это у него от кровопотери или от изменения деления голова тяжёлая. Он берёт свою большую флягу, и, не без усилия, ему удаётся её открыть.

Пока пил, налетел сильный порыв ветра, обдав его пылью и колючим песком. Нет, голова тяжёлая от давления. Кажется, сейчас будет заряд, уж больно ветер вечером сильный.

В конце дня в раскалённой пустыне так иногда случается. С приходом сумерек сильно меняется давление, и начинает дуть резкий, порывистый ветер, он поднимает тучи пыли. Эти порывы сильны, скоротечны, но не опасны. Их называют почему-то зарядами. Впрочем, такой заряд сейчас ему на руку.

Горохов надевает респиратор. Снова натягивает очки. Тяжело, слишком тяжело встаёт. Кажется, много крови потерял. Он уже собирался взять обрез, чтобы спрятать его в сумку, он уже думал о том, как он одной рукой будет поднимать тяжёлый мотоцикл, как над самым гребнем бархана, за которым он сидел, в последних лучах заката показался пучок волос, чёрных, жёстких, как щетина зубной щётки, волос. И чёрная, мерзкая башка.

Никаких сомнений. С той стороны бархана, почти над ним, был лютый и опаснейший враг. Пятнадцать метров до его мерзкой морды. Горохов знал, что потянешь он к оружию, дарг тут же спрячется за верхушкой, тут же выскочит где-нибудь рядом и сразу выстрелит. Так они и воевали. От них спасало только одно, и это одно было в его сумке. Найти бы это сразу. Башка дикаря, конечно, тут же исчезла.

Он присел на корточки, покачнулся, чуть не завалившись на песок от слабости, сразу сунул руку в сумку, но не отрывал глаз от верхушки бархана. Он сразу нащупал округлую, тяжёлую и нужную вещь. Сразу достал её, зубами схватился за пластиковую чеку, выдернул её и, резко встав, опять чуть покачнувшись, кинул гранату за бархан. Повезёт – не повезёт. Заденет уroda осколками или нет, оглушит взрывной волной – кто его знает. Он гадать и ждать, не будет, он присел и взял обрез в руку. Нет. Одной рукой из него стрелять – только патроны тратить. Сунул его подмышку левой руки, рука висит, как и висела – всё равно, что мёртвая, но обрез подмышкой прижала. Правой рукой он достал свой револьвер системы Кольцова. Отличная вещь, не раз его выручавшая. И спиной, спиной пошёл на юг, к оазису. Как хорошо, что стемнело, как хорошо, что ветер гонит и гонит пыль, может, ему удастся уйти. Достала ли урода граната, гадать нет смысла. Сумка, мотоцикл – Бог с ними, сейчас надо уйти, ведь никогда, никогда эта степная мразь по одному не ходит. Там, за барханами, есть ещё желающие его убить. И он вообще не собирался выяснять, сколько их там. Он шёл и шёл спиной вперёд, спиной на юг, держа револьвер наготове.

Так и вышло, уже из темноты, из завывающей от сильно ветра пыли, бахнул винтовочный выстрел. Горохов остановился, поднял револьвер и выстрелил в ответ. Выстрелил в темноту, на вспышку.

Вряд ли он попал, но этим тварям нужно было дать понять, что он будет отвечать, что он им не дичь и что неизвестно ещё, кто отсюда уйдёт на своих двоих. Выстрелил и тут же

сделал два шага в сторону. Мало ли. И спиной, спиной продолжал отходить. Слава Богу, ветер трепал и трепал барханы, сдувая с них пыль и песок. Слава Богу, что опустилась ночь. Вскоре он повернулся и уже лицом вперёд пошёл дальше. Револьвер он спрятал в кобуру, обрез взял в руку, но то и дело снова брал его в подмышку, чтобы освободившейся рукой залезть в правый карман пыльника и нащупать там ребристый колпачок красного шприца со стимулятором. Кажется, эта вещьца ему понадобится.

Идти было тяжело, с каждым шагом всё тяжелее. Нет, несомненно, он потерял много, много крови. В маске дышать стало очень трудно, очки покрыты пылью, протирать их было бессмысленно. А идти до оазиса ещё час. Он уже подумывал, не выбросить ли тяжёлый обрез, там всего два патрона. Но нет, нет. Вдруг ещё пригодится, вдруг его догонят, тогда и два патрона будут совсем не лишними. В темноте картечь – самое то.

Задыхаясь и утопая в песке почти по колено, он забрался на высокий бархан. Оттуда и увидел огоньки вдалеке. Совсем маленькие и тусклые.

Чёрт, ещё идти и идти. Всё-таки, ему потребуется стимулятор, потребуется.

Лачуга из бетона и старой жести, из щели между стеной и дверью пробивается свет. Он остановился, навалился на стену, правым плечом, перевёл дыхание. Да, если бы не стимулятор, то не дошёл бы. Собравшись с силами, он постучал в жестяную дверь стволом обреза. В ночной тиши стук вышел страшный.

– Ну! Кто там? – Заорали из-за двери через некоторое время. Орал мужик, пытался быть грозными, но Горохов сразу почувствовал в голосе страх.

– Откройте, мне нужна помощь, – он привалился к двери и зачем-то пытался говорить в щель.

Кажется, этим он только больше пугал жильцов:

– Нечем нам тебе помочь, – затараторила из-за двери баба, – нет у нас ничего. Нету!

– Пропись, дурак! – Добавил мужик.

– Мне нужен врач! – Он снова стал бить обрезом в дверь. Бил сильно, чтобы они там за дверью не успокаивались. – Мне нужен врач, меня ранили дарги.

– Нет тут врача, иди дальше по улице. – Заорала баба. – Там большой дом с фонарём, сразу его узнаешь.

– Помогите мне, я не дойду, – хрипел Горохов, продолжая колотить в жестяную дверь. – Помогите мне туда пройти, я дам вам гривенник.

Он не мог, ну, почти не мог идти сам, у него уже всё плыло перед глазами. Он стянул маску с лица и выплюнул прямо на дверь хорошую порцию слюны с кровью.

– Я дам вам две гривны! – Судя по халупе, проживающим в ней людям деньги не помешали бы.

– Пошёл отсюда! Сейчас приставу позвоню! – Рывкнул мужик. Видно, не верил он, что ему могут дать серебро.

– Звони, только быстрее. Давай, звони, врачу позвони тоже, скажи, что будет нужна операция.

– Я сейчас тебе позвоню, убирайся сволочь, дом доктора в центре, иди туда, иди сам! – Уже не без истерики в голосе заверещала баба. – Адылл, неси ружьё, стреляй в бродягу, прямо через дверь стреляй в эту сколопендру!

Горохов подумал, что даже и ста шагов сам не сделает, нет, не дойдёт он, он даже не знал, куда ему идти, темно, в глазах всё плывёт, он снова постучал обрезом в дверь и сказал:

– Если не откроете, то я выстрелю вам в дверь, – он с силой постучал по ней опять, – выбью засов, зайду и прикончу вас, если вы мне не откроете, а если откроете и проводите меня к доктору, дам две гривны. Слышите, либо убью вас, либо дам вам две гривны! Ну!

– Чего ты! Чего, – теперь баба, кажется, заныла, – чего ты припёрся к нам?

– Да не нужны вы мне, мне нужен врач!

– Адылл, открой ему, может, человеку и вправду нужен врач?

Кто-то подошёл к двери, но не открывал её, стоял за ней, сопел и боялся. Это был мужик.

– Ну, друг, – заговорил Горохов, – выходи, я даже в твой дом не зайду, пошли, проводишь меня к врачу. Дам тебе две отличных серебряных гривны. Не подделки, ну... Давай!

– Адылл, ну, открой человеку, – кажется, успокоилась баба.

– Хрен его знает, кто это!

– Я геодезист, моя фамилия Горохов, ехал к вам, на меня напали дарги, ранили в бок и в руку, помоги, друг Адылл, доведи до врача.

Засов, наконец, лязгнул, дверь приоткрылась. Горохов сначала зажмурился от света, а уже потом разглядел пропитое монголоидное лицо нестарого, кажется, ещё мужика. Мужичок, судя по всему, был не дурак насчёт кукурузной воды. От него и несло спиртягой. А вот баба была совсем немолода, из-под платка выбивались седые космы.

– А ты точно геодезист? – Спросила она. – Не казак? Не разбойник? А?

– Пошли к врачу, – сухо сказал Горохов, ему сейчас было совсем не до объяснений.

– Слышь, геодезист? – Заговорил мужик. Он был грязен и потен, как, впрочем, и его старая баба. – Это... Врача-то сейчас в городе нет. Уехал он.

– Уехал? – У Горохова, кажется, начинали кончаться силы, он едва стоял.

– Ага, уехал, я его грузовик грузил три дня назад. Уезжают они всегда на пару недель.

– А медсестра есть? Есть тут хоть кто-нибудь у вас, кто сможет мне помочь?

– Да, есть, есть у него медсестра, но она с ним уехала, – сказал Адылл.

– К Валере его отведи, – вдруг предложила баба.

– А точно, – вспомнил мужик, – точно, к Валере.

– Он врач?

– Нет. Его все зовут Генетиком, но он не хуже врача. Он всё может, все, у кого денег на врача нет, все к нему ходят.

Кажется, люди успокоились, теперь они не боялись пришельца, видя его удручающее состояние.

– Пошли, – Горохову больше нечего было делать.

Он заметно покачнулся.

Балбес Адылл попытался взять его с левого бока под руку, словно не видал, что у него весь левый край пыльника и весь левый рукав, чёрные от засохшей крови и пыли. Но увидав, как Горохова перекосило от боли, разобрался и перешёл под его правую руку.

– А гривны? – Напомнила баба. – Гривны дадите?

– Дам, дам, – обещал он, – только пошли побыстрее.

Он навалился на помощника, и они втроём вышли из лачуги. Баба шла впереди с фонарём, Горохов почти висел на Адылле и уже почти ничего не понимал. Но дробовик, тем не менее, он держал в руке. Не отдал его бабе. Чёрт знает эту парочку, что там у них на уме. А на дворе-то ночь, барханы в ста метрах уже начинаются.

Пока дошли, вернее, пока Адылл его дотащил, так у него совсем сознание помутилось. Он не помнил, как его привели, как его осматривал этот самый генетик Валера, как мерил ему давление, как спрашивал, и спрашивал, и спрашивал его о чём-то. Голос этого генетика был приглушённый, словно он говорил через трубу, да и сам он расплывался, казался, каким-то странным, каким-то кривым, неестественным.

Он не помнил, как его раздевали и укладывали, делали уколы, вставляли ему в вены капельницы. Он почти ничего из этого не помнил.

Глава 2

Рука чуть выше локтя саднила или сильно чесалась, словно свежая рана. Хотелось расчесать. Расчесать ногтями, чтобы избавиться от этого неприятного чувства. Это мерзкое ощущение и привело его в чувства. Он пошевелил здоровой рукой и вдруг понял, что... Он плавает в какой-то жидкости. Она обволакивала всё его тело, кроме лица. Нет, это была не вода. Он пошевелил пальцами. Потёр ими друг о друга. Жидкость была... липкая и упругая какая-то. И она воняла, кажется, тухлятиной или... Трудно сказать, чем-то похожим на тухлятину, чем-то сладким. Горохов открыл глаза. Белая пластиковая ванна, старая. Она вся в царапинах, кое-где в трещинах, да ещё и грязная. Он попытался пошевелиться. И вдруг понял, что привязан. Привязан. Он удивился и захотел осмотреться, но не смог. Он видел только потолок и лампу.

Свет единственной лампы. Грязный потолок. Тишина. Он привязанный плавает в какой-то мерзости, только лицо над поверхностью.

Он чувствовал себя вполне нормально, вот только это неприятное ощущение в левой руке никак не унималось. Да и жижа эта воняла. Хотелось почесаться. Он попытался правой рукой дотянуться до левой, чтобы понять, что с ней, или хотя бы почесать. И услышал:

– Сэ... Сэ... Сээ...

Горохов замер. Кто-то пытался с ним заговорить, что ли? Пытался что-то сказать?

«И что это значит?»

Ему почти в глаза светила лампа, он мало что мог различить, и тут лампу закрыла фигура:

– Я... Я... Я... Се... Се... Я развяжу вас. Только вытащу и... и...и... Капельницы.

Вот в чём дело, он не только был привязан, он ещё был утыкан иглами капельниц. Горохов видел, как ужасные руки, похожие на корявые стволы пустынной колючки, с пальцами, на которых распухли суставы, вытаскивали из него иглы, одну за другой.

Потом в странной и уродливой руке появился скальпель, обычный хирургический скальпель, и этот скальпель быстро перерезал верёвки, что держали его.

– Кто вы? Вы доктор? – С трудом после молчания произнёс Горохов.

– Ва... Ва... Ва... Ва-а... – Человек старался что-то сказать и, не справившись с этой задачей, решил закончить иначе. – Генетик. Меня тут так все зо...зо... зо... Называют.

«Генетик Валера», – вспомнил Горохов. Он с трудом вспоминал тот вечер, с большим трудом. Но это имя и профессия у него в памяти отложились.

– По... по... По-о... Вы можете пошевелиться?

Заика. Да ещё с таким голосом. Этот голос не нравился Горохову, во-первых, высокий, если не сказать, что писклявый, а во-вторых, заискивающий, словно человек извинялся всё время. Но нравится или не нравится, просьбу Генетика он стал выполнять: сжал и разжал кулаки, левый кулак сжать не удалось совсем, потом подогнул ноги, положил правую руку на край ванны, повертел головой туда-сюда.

Всё работало. Ну, кроме левого кулака и вообще всей левой руки.

– Левая рука не слушается.

– Так и должно бы...бы...бы...

– Быть, – договорил Горохов.

– Да.

– У меня там была перебита кость? Она не срослась?

– Кость срослась, но... но... но...

Теперь Горохов не знал, что хотел сказать Генетик и просто ждал, пока тот закончит. Плавал в воде и ждал.

– У вас был перебит срединный нерв, он будет вос.. вос... вос... Зарастать долго. Две... две... две...

– Две недели?

– Две-три недели, нервы растут пло... пло... пло...

– Плохо.

– Да.

– Ясно, – произнёс Горохов, и вправду левая рука не давала ему покоя. Досаждала, зудела.

– Ха... ха... ха... Попробуете встать? – Продолжил Генетик.

Он немного полежал ещё, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, потом сделал усилие и сел в ванне. Да, оказалось, чтобы сесть в ванне, ему пришлось приложить усилие.

– Ну, ка... ка-а-а... Вы хорошо себя чувствуете?

– Рука саднит, и бок немного болит, – ответил он. – У меня там рёбра были сломаны, пуля лёгкое задела. Помню, кровь во рту была.

– Это нор... нор... нор... Так и должно быть.

Ответил и ужаснулся. Та жидкость, в которой он плавал, была просто ужасна. Она не только воняла тухлятиной, а теперь он не сомневался, это запах тухлятины, она и на вид была такой же мерзкой. Серая, мутная, густая и тягучая масса, переполненная мелким мусором и пылинками. А ещё, ещё в ней во множестве плавали... какие-то странные штуки.

Он зачерпнул пригоршню этой жидкости вместе с той дрянью, что там плавала и поморщился. Это был жёлтый червь или личинка, величиной с указательный палец. И голова у неё была чёрная.

Она ещё не была мертва. Эта личинка шевелилась, совсем чуть-чуть, но шевелилась. Горохов с отвращением вылил эту мерзкую жидкость, вместе с личинкой из руки. Встряхнул руку.

– Не... Не... Не-е... Вам не стоит беспокоиться. Э... Эт...

Горохов не стал дослушивать его, он встал и начал вылезать из ванны. Вылез, и эта самая скользкая жидкость стекала по нему прямо на грязный пол.

– Стойте, стойте, – запричитал человек, которого он всё ещё не рассмотрел, – это же очень дорогая вещь...

«О, наверно, и вправду дорогая, если ты даже заикаться перестал».

– Эта грязная вода дорогая? – В первый раз спросил Горохов хрипло.

– Это не вода, не вода, – к нему кинулся этот человек и стал своими уродливыми руками буквально собирать, соскребать с его тела в ладонки липкую жижу и скидывать капли обратно в ванну, – это протоплазма. Я её коплю всю жизнь!

– Извините, – произнёс Горохов. – Я не знал. На вид она просто... Да ещё и червяки там плавают.

– Это кажется, что она грязная, но это не так, – всё причитал и причитал человек, он все слова говорил, всхлипывая при этом, как будто собирался зарыдать, – там почти нет бактерий, ну... Ну, есть, но почти все безвредные. И вирусы только нужные, я сам их конструировал. Они важны для метаболизма. Протоплазма... Она на вид неприятная, но это очень... Очень полезная вещь... Она вас вылечила за три дня. Всего за три дня. Доктор вас лечил бы три недели.

– А червяки? Они тоже меня лечили?

– Да нет же, это её еда, она тоже должна питаться, как вы или я, мучные черви – её еда, мне их тоже непросто выращивать.

Только теперь человек распрямился и встал во весь рост, и только теперь Горохов смог его разглядеть.

Нет, не только руки у него были уродливы. Ростом он был, может быть, даже и с Горохова, но был так искривлён, так скособочен, что на полголовы казался ниже. Плечо одно намного выше другого, голова абсолютно безволосая, даже бровей нет. Лицо будто после страшной травмы, словно ему когда-то раскрошили все лицевые кости, и они неправильно срослись, оно

было всё кривое, лоб кривой, нос не симметричный, один глаз заметно ниже другого, да ещё они оба не в одной оси. Когда смотришь этому человеку в лицо, странные ощущения посещают. Кажется, что он не чёткий, плывущий, расплывающийся. Чертовщина какая-то. Ко всему прочему у него ещё белая кожа. Белая, как у самых далёких северян. Как он тут, на глубоком юге, с такой кожей меланомами не изощёл – непонятно. Сейчас он не заикается, но противно всхлипывает после каждой фразы. Хоть Горохов и был ещё слаб, его ещё покачивало даже, но эта манера собеседника говорить начинала его раздражать.

Чтобы закончить нытьё этого человека, Горохов произнёс всё так же хрипло:

– Валера, вас так, кажется, зовут?

Человек кивнул. Да, так. А лицо всё ещё противно-жалостливое.

– Я заплачу вам. Скажите, сколько. – Говорит Горохов.

Эта его фраза сразу поменяла настроение этого странного человека, он, кажется, успокоился, смотрел своими разными, дурацкими глазами, а сам уже прикидывал, сколько попросить:

– Да? За... За... За-а... Зап...

– Заплачу, – догадался Горохов. – Сколько?

– Сколько? – Переспросил Генетик. Кажется, он сам не знал, сколько попросить за работу. Работа была, конечно, большая, но стоимость её он не мог правильно оценить или боялся попросить лишнего.

– Сколько? – Повторил Горохов.

– Доктор Рахим взял... взял...

– Взял бы с меня...

– Да. Четыре рубля, – выпалили Валера.

«Ишь, кривой да кособокий, живёт в нищете, ходит в одних портках, а деньги, видно, любит, Генетик. Четыре рубля!»

Но ничего этого, конечно, Горохов не скажет, он обещал заплатить – значит заплатит. Хоть это очень и очень большие деньги. Впрочем, этот странный уродец, вылечил его всего за три дня. Ну, почти вылечил. Левая рука ещё почти не работает.

– А у вас случайно меди не найдётся? – Вдруг чисто и без единого заикания спрашивает Валера.

«Меди?! Да ты, братец, обнаглел». У Горохова была вшита в стальную пуговицу пыльника медная пятирублёвка, но это на крайний случай.

– Нет, меди у меня нет, но я заплачу вам всё серебром. – Твёрдо сказал Горохов. – Скажите, сколько.

– Ну, доктор Рахим просил бы у вас че... че... че...

– Четыре рубля?

– Давайте два! – Сказал Генетик и махнул рукой, мол, хватит мне.

– Это по-человечески, – Горохов стал оглядываться. Он до сих пор стоял голый у ванны. – Где моя одежда?

– Там, – Генетик указал рукой в тёмный угол.

Чуть пошатываясь, он пошёл в тёмный угол и там, у кривой лавки, на грязном полу валялась его одежда, его башмаки и его оружие.

Он наклонился и, опять пошатнувшись, поднял с пола пыльник.

Сунул руку и в карман. Внутренний карман бы пуст. Нет, ничего подобного быть не могло. Деньги и документы он всегда хранил бережно. Пуля карман не порвала, карман был цел, и клапан-застёжка был цел. Но ни кошелек с деньгами, ни документов в кармане не было. Ничего там не было. Песок.

Видно, его лицо стало настолько выразительно, что даже в темноте угла Генетик прочёл все его эмоции и сразу сказал:

– Я просил у... у... Документы....

– Документы? – Холодно переспроси Горохов.

– Да, мне нужно было знать ва...ва... ва-а.... Группу крови. Анализ делать было не... Документы у меня где-то...

– А деньги где?

– Я не знаю.

– Кто меня раздевал, этот... Адылл?

– Они, да, они... Я спро... спро... Попросил документы, чтобы узнать группу крови, они мне... мне... да... да-а... Принесли.

Генетик, вихляясь всем своим кривым телом из стороны в сторону на каждом шагу, быстро прошёл к большому верстаку, что тянулся вдоль всей стены, и там, среди разнообразных банок, старых приборов и всякого хлама нашёл его личную карту, взглянул в неё и сказал:

– Андрей Николаевич, вот ваши документы.

Но приближаться, кажется, он не собирался. Так и остался у верстака.

Горохов сел на лавку, не одеваясь, стал проверять свои вещи. Рубаха была вся драная и в крови, кто бы её стал тут стирать и зашивать. Нижнее тоже в засохшей крови. На поясе кровь, левый карман слипся от крови.

Пыльник, как и положено, рван, и весь бок чёрен от крови и пыли.

Двухлитровая фляга с секретом. Потряс её, что-то плещется, пол-литра воды есть.

Фляга на месте, хорошо. От сердца отлегло. Фляга на вид старая, всё повидавшая, в старом тёртом кожухе. Но если кто-то додумается снять кожух, то увидит, что на дне фляги крышка-тайник. Там очень дорогой микроаккумулятор. Сам маленький: восемь, на три и на один сантиметр, но огромной ёмкости. И такой же цены диодный фонарик, часы, компас, малюсенький секстант, коротковолновый микромаяк и дистанционный детонатор. Как хорошо, что флягу не потерял, она стоит не меньше, чем мотоцикл. Хотя это чуть успокоило его. Он немного подумал, взял револьвер и, пока Генетик копался на своём верстаке, высыпал из него все патроны, сложил их в тайник фляги. Теперь револьвер и вправду был не опаснее молотка.

Кепка с длинным козырьком и пришитой сзади тряпкой, что прикрывает шею, виски и щёки от солнца, гетры, высокие, почти до колен, ботинки, маска-очки, перчатки – с ними всё в порядке. Тесак в семьдесят сантиметров в ножнах, ему-то ничего и быть не может. Дробовик тоже тут, обрез двенадцатого калибра, два патрона и всё. Револьвер системы Кольцова – что с ним станет, тяжёлый кусок легированной стали. Простой и надёжный, как молоток. Он откинул барабан, четыре мощных десятимиллиметровых патрона и стреляная гильза. Всё. Ах, да, чуть не забыл. Залез в карман галифе. Слава Богу! Тут пошарить не додумались. Он достал из кармана мелочь, одним взглядом сосчитал её. Пять серебряных гривенников и ещё двадцать семь копеек железом. Ну, хоть что-то.

Он стал молча одеваться, а Генетик, увидав это, взял что-то с верстака и пошёл к нему, в руках у него была верёвка:

– Ва... Ва... Ва-а... Верёвка, вам надо подвязать руку. Рукой не шевелите две-три недели. Нерв должен зарости. Пока пальцы плохо будут работать, а ещё через два дня нужно будет сделать ук...у-ук... Инъекцию.... Зайдёте ко мне. Я всё под... под... под... Сделаю.

Кажется, про деньги он спрашивать не собирался. Это Горохова сейчас устраивало.

– Хорошо, – сказал Горохов, – кто тут у вас занимается ворами?

– У... у... у... Тут главный у нас по таким делам пристав, он Адылла давно знает.

– Где он находится?

– Да... да... Он на этой улице, ближе к центру, там его контора.

Горохов уже оделся, повесил руку на перевязь, проверил оружие:

– Найду деньги и вернусь. Всё вам отдам.

И пошёл к двери.

Глава

3

Вышел за дверь, ветерком как обожгло. Ещё и десяти нет, а жара уже под сорок. Оказывается, у Генетика кондиционер работал, а он и не замечал. Солнце белое, ни на что смотреть без очков невозможно. Ну, а что удивляться – юг. Зато пыли почти нет, респиратор можно не надевать.

Сразу понял, что пить очень хочет. Нужно было у Генетика воды выпить, хотя бы литр. Да и поесть не мешало бы. Протёр очки от пыли, надел, чтобы не жмуриться, и пошёл по пустынной улице.

Домишки вокруг, хоть и небольшие, но крепкие, бетона строители не жалели, крыши тоже крепкие. Высокие, крутые, чтобы песок не собирался. Видно, осенью в бураны песком и пылью тут всё заваливает не слабо. Везде солнечные панели. Дорогих и мощных нет, зато дешёвых хватает. Кое-где даже и ветротурбины стоят. Но это нечасто, а вот зато часто стоят десятиметровые штанги для сбора конденсата. Тоже вещь недешёвая, а у некоторых домов их по две или даже по три. Нет, народишко тут вовсе не бедный, это точно. Адылл с его бабой и Генетик – вовсе не показатели.

Разглядывая всё вокруг, он пошёл дальше. Народа на улицах почти не было, кто-то разгружал квадроцикл у продовольственной лавки. Он хотел зайти, взглянуть цены на еду и воду, но передумал, люди были заняты приёмкой товара. Ещё кто-то проехал по улице на мотоцикле, подняв после себя кучу пыли.

«Столовая» – гласила на одном из больших домов простая надпись на хлипком, пластиковом щите. Двери крепкие, железные с уплотнителями. Отлично, значит, там ещё и не жарко. Лишь бы работала эта «Столовая».

Он дёрнул дверь. Та не без труда отворилась, и Горохов смог войти в полумрак. Дверь за ним закрылась сама. О, какое счастье, «Столовая», кажется, работает. Ещё тут не больше тридцати. Он стянул кепку, поднял на лоб очки. Чисто, пыли нет, столы чистые, их с десяток, а народа почти нет. Стойка у стены, прилавки с кастрюлями, за ним полная баба в маске. Сама в майке, руки и плечи голые. На голове платок, на лице маска из тряпки, пропитанной чем-то. В помещении в маске – значит, прокажённая.

Два человека. Молодые, морды здоровые, без намёка на проказу, плечи широкие, по виду и одежде – военные, но никаких опознавательных знаков нет. Они сидели у маленького окна, ели. Теперь оба смотрели на него.

Лица у них весьма неприветливые. Горохов не знал, принято ли тут со всеми здороваться, но парни смотрят на него, он им кивает.

Один из них кивает в ответ. Этот кивок и его взгляд весьма красноречивы, они значат: «Ладно, ешь пока, но я за тобой наблюдаю».

Тут же к нему подходит девочка лет тринадцати. Чистенькая, даже чёрные её волосы хорошо вымыты, заплетены в косы. И вся она красивенькая, одежда у неё чистая, вот только отёк синий во всю левую щёку и синяк вокруг левого глаза. Она улыбается деланой улыбкой:

– Доброе утро, господин.

– Привет.

– Желаете поесть?

– Желаю. А что у вас есть?

– Мы только открылись, есть паштет, каша, хлеб. – Говорит она быстро, почти тараторит.

– Каша крахмальная?

– Да. Кукурузная или гороховая будут к обеду.

– А попить?

– Водка холодная, брага, кукурузное вино. Может, желаете что?
Водка и брага с утра? Нет.

– Чай? Кофе? – спрашивает он с надеждой.

– Есть чай, но старый, позавчера варили. – отвечает девочка.

– Кашу, паштет, хлеб, пол-литровую чашку чая и два литра воды.

– Хорошо, сейчас принесу. Садитесь, где понравится.

Ему бы понравилось у окна, под кондиционером, но там сидят недружелюбные парни, поэтому он садится у западной стены. Сейчас там будет попрохладнее. Прежде, чем сесть, он медленно и аккуратно снимает пыльник, так, чтобы особо не шевелить левой рукой. Тесак и обрез кладёт рядом с собой на стол.

Не успел он устроиться, как девочка уже приволокла поднос. Стала ставить на стол тарелки и чашки, вода была в пластиковой баклажке.

– Баклажку не забирайте, – говорит она, расставив всё на столе, – а то Катя меня ругать будет.

– Катя это она? – Горохов кивает на бабу в маске, что копошится за прилавком.

Девочка косится, а потом незаметно кивает.

– Она тут управляющая?

– Хозяйка, – шепчет девочка и объявляет уже громче. – С вас, господин, двенадцать копеек.

Горохов лезет в правый карман галифе, достаёт мелочь, высыпает её на стол, отсчитывает: маленький серебряный гривенник и две монеты по копейке. Чуть подумал и добавил к деньгам ещё две копейки девочке на чай.

Но, как ни странно, она не взяла деньги, а повернулась к хозяйке, как будто ждёт её согласия.

– Что там, Ёзге? Железки? – спрашивает баба тяжёлым грудным голосом. Когда она говорит, тряпка над её ртом чуть поднимется, шевелится. Картина получается мрачной.

– Да, Катя, тут господин даёт железные деньги. – отвечает девочка.

– Это хорошие железяки, – поясняет Горохов, показывает ей хорошо отчеканенную копейку, – видишь, они отчеканены в Соликамске, видишь, какая хорошая чеканка, это настоящие деньги.

– А вы из самого Соликамска? – спрашивает Ёзге.

– Нет, я из Березняков, но деньги у меня из Соликамска.

– Ладно, бери его железки, – распорядилась Катя.

Девочка сгребла деньги, но не ушла, а спросила:

– А вы тут проездом или как?

– Нет, я ишу работу, я геодезист и буровик. У вас ведь тут буровые стоят, люди работают?

– Да, всё изрыли вокруг, всё воду ищут. Вы водоискатель?

– Да, водоискатель.

– Ну, тогда работу найдёте у нас, – обещала Ёзге.

И хотела было уже уйти, даже не поблагодарив за чаевые, но Горохов её остановил:

– погоди.

– Что?

– Ты красивая девочка!

Девочка замолчала, замерла, вытаращила на него глаза. А у него была куча вопросов к ней, и он, поглядев по сторонам, не смотрит ли на него кто, продолжал:

– Это Катя тебя ударила?

Девочка сразу встрепенулась, насупилась и сказала раздражено:

– Сама я виновата.

– Сама, – он понимающе кивнул, – ну, бывает, а у Кати лицо закрыто почему? Болеет?

– Об этом спрашивать нехорошо, – нравоучительно ответила девочка, – вас же никто не спрашивает, поему у вас рука на верёвке.

– Меня дарги в степи подстрелили. – Сразу ответил Горохов. – Я не скрываю, а спросил, просто хотел знать...

– Хотели знать? – Тут она язвительно ухмыльнулась. В её голосе отчётливо слышался скепсис, выглядела она нагло, смотрела с прищуром. – Вот я и думаю: они всё спрашивают, спрашивают да говорят со мной, лишних денег дали. А зачем так? А может, вы ко мне тут клеитесь? Может, вам бабёнка нужна, а я вам приглянулась?

У Горохова была куча вопросов, которые он хотел бы ей задать, но эта её фраза застала его врасплох. Что за бред? Он к ней клеится? Так это выглядело? Он замолчал, не находя что ей ответить, а девочка ждать его не стала, повернулась и пошла по своим делам.

Едкий степной жареный лук, соль, крахмал – ничего необычного, крахмальная каша, такая же, как и везде в степи. А вот паштет – дрянь, самый плохой, что он ел за последние полгода. Не потрудились даже задние лапы и крылья саранче оборвать. То и дело они попадались, жёсткие, словно пластик ел. Хуже того, ещё и головы насекомым не оборвали. Мало того, что жвала их тоже не разгрызть, так от голов ещё и горечь в еде была. Все в пустыне знают, что головы нужно отдирать, когда жарить саранчу. Катя, видно, очень сильно сэкономила, когда кормила людей дрянью. Только кукурузный хлеб был хорош, жёлтый, тяжёлый. От него пальцы становились жирные, а ещё он был сладкий, видно, кукуруза была неплохой.

Чай – старая переваренная бурда, терпкий, но с кофеином, его он выпил до дна. И вода тоже так себе, хоть и холодная, но с каким-то привкусом. А он подумал ещё, чего тут всё так дешево. Вот тебе и дешевизна.

Но съел он всё, а остатки воды, которую не выпил, слил себе во флягу. В правом кармане пыльника нашёл мятую пачку, там шесть сигарет. Положив левую руку на стол, закурил, расслабился и обалдел. Из внутреннего помещения, из-за прилавка стали выходить женщины. Одна за другой вышли три дамочки, да ещё какие. Все высокие, платья такие короткие, что все ноги наружу, у всех губы в помаде, одна лучше другой. И первая, что вышла, сразу пошла к нему. Шла, улыбалась, руки в боки, на ходу поигрывала бёдрами, а во рту ненастоящие, белые зубы. Подошла, встала, бедром толкнув стол и сразу спросила:

– Не желает ли, господин, отдохнуть?

Развязанная и очень привлекательная.

– Что? Отдохнуть? – Горохов немного растерялся даже.

– Любые пожелания, одна гривна в час.

– Нет, нет... Спасибо... – Он чуть сигарету не выронил.

– Одна гривна! Один час! И вы будет мечтать встретиться со мной вновь. – Не уходила красавица.

– Нет-нет...

– Я ничем не болею, посмотрите на моё лицо, проказы нет, – она вдруг плюнула себе в руку и показала плевок Горохову, – грибка в лёгких нет.

В слюне действительно не было и намёка на кровь.

– Вы ничем не заразите вашу жену. – Продолжала женщина, своим красивым бедром снова толкая стол.

– Нет, мне просто не нужно. Я не совсем здоров.

– Очень жаль, – красотка наморщила носик, – но я всё равно буду ждать вас, я обожаю таких мужчин.

Пока он приходил в себя и думал, с чего бы ей обожать таких мужичин как он, точно так же, покачивая бёдрами, как предыдущая, к нему направилась вторая. Эта была так же хороша,

только поблондинестей, а юбки у неё не было вовсе. Так же толкнула стол голым бедром и сказала:

– Не желает ли, господин, отдохнуть?

Горохов растерялся, у неё даже тон был такой же раскованно – игривый как у первой. Сёстры они, что ли? Он даже сравнил их. Да нет, не сёстры.

– Нет, спасибо, – ответил, наконец, он, потому что вторая девица стояла и ждала его ответа со странным выражением лица.

– Любые пожелания, одна гривна в час.

– Ну, я же уже сказал... – Гривна, алтын, как не назови, а это десять копеек, у него лишних нет.

– Одна гривна! Один час! И вы будет мечтать встретиться со мной вновь.

Горохов даже растерялся. Смотрел на неё и молчал, про сигаретку позабыв. Он обернулся, поглядел по сторонам и поймал взгляды двух парней, что сидели у окна, оба они с ухмылками наблюдали за ним. Их это представление, кажется, забавляло.

– Я ничем не болею. Посмотрите на моё лицо, проказы нет, – продолжала она и наклонилась к нему.

У неё была красивая кожа, от неё приятно пахло. Вот, а первая не наклонялась. Немного, но они различаются. И вообще, откуда они, кто их обучал?

А девица плюнула себе в руку и протянула руку ему посмотреть:

– Грибка в лёгких нет.

Он даже не взглянул туда, он обернулся на Катю. Катя, хоть и в маске была, но Горохов был уверен, что смотрела она сейчас на него. Она сделала знак, и стоявшая в дверях девочка Ёзге пошла в комнату. В руке у неё было полотенце, вид у неё был недовольный:

– К себе, к себе идите дуры. – Она подошла к первой и стала полотенцем хлестать её. Не сильно и не зло.

Так хозяйка загоняет кур в курятник.

И те послушно и безмолвно пошли туда, откуда пришли, всё так же призывно покачивая бёдрами.

Сказать, что всё это показалось Горохову странным, так это ничего не сказать. Он удивлённым взглядом проводил их до самой двери, а потом уставился на девочку, надеясь, что та подойдёт и поговорит с ним. Но Ёзге даже не взглянула на него и стала заниматься своими делами.

Да, Губаха городок забавный.

Вопросов у Горохова была масса, но он понял, что ему тут больше ничего не удастся узнать. Кроме...

Он оделся, собрался на выход и перед тем, как открыть дверь, повернулся к тем двум молодым мужикам, что всё ещё сидели за столом:

– Парни, а где тут можно купить десять-шестьдесят?

Если ответят, значит, и впрямь военные. Десять-шестьдесят – это десятимиллиметровый револьверный патрон в шесть сантиметров длиной. Но не все про такие слышали. Ну, а эти знают ли про такие?

– У Коли оружейника спроси, но вряд ли ты такое тут найдёшь. – Ответил один из них. – Оружейка его сразу за участком. Легко найдёшь.

– По дороге на запад?

– Да. Тут одна дорога.

– Спасибо.

Глава 4

Горохов вышел и остановился на пороге, в теньке, вылезать на палящее солнце не хотелось. Да, этот оазис на отшибе, на самом краю карты, всё больше и больше казался ему... странным, как минимум.

Во-первых, что сразу бросается в глаза, тут почти нет укреплений. Он ещё ни одного дота не видел, хотя бетона у них завались, судя по домам, а дарги гуляют вокруг, стреляют во всё, что движется. Неужели местные их не боятся? Или что, все укрепления вынесены на окраины? Ну, ладно, может быть. Окраин он ещё не видел.

Во-вторых, эти странные бабы в столовой. Откуда тут в этой глуши и дикости такие красивые и такие... тупые бабы. Такие красотки в крупных городах себе легко теплое место нашли бы. Красотки первостатейные – ни дать, ни взять. Чистые, кожа без шрамов от удаления солнечных болячек, видно, они на солнце и не выходят. Он на них ни одного шрама, ни одного солнечного ожога не заметил. Неужели они так хорошо тут зарабатывают? Впрочем – он опять огляделся – судя по всему, деньжата тут водятся.

Самое высокое здание в городе и было участком. Три этажа, толстые стены с бойницами, в здании узкие окна, большой двор, обнесённый трёхметровым бетонным забором, в нём тоже бойницы. У забора по периметру цистерны – вода. На дворе углубления в бетоне. Горохов сразу прикинул, это для миномётов, и тут же для мин ямы поглубже рядом. Всё по уму сделано. А на самой крыше, он его ещё издали приметил, старинный «Утёс» с седёлкой. Он накрыт брезентом, только ствол торчит зачехлённый, но даже под брезентом Горохов угадал на нём оптику и мощный ПНВ. Да, старинный он, старинный, а двенадцать и семь миллиметров вмажут и из такого старинного – мало никому не покажется. Пулемёт перекрывает градусов девяносто с западного направления. Место стационарное. Значит, на западе появляется кто-то по ночам. Ну, это так, на уровне догадок. В общем, участок – место крепкое, хорошее место. Если ещё подходы минировать, то его и вовсе не взять.

Вот, а он думал, что тут укреплений нет. Есть, просто мало. Интересно, кто их тут дони-мает, дарги или банды?

Он прошёл в ворота, у ворот был вооружённый человек с шевроном охраны, но Горохова он не остановил, только проводил взглядом.

У входа в здание люди, все в бронежилетах, курят, болтают, на него никто не обратил внимания, кроме одного из них, видимо, дежурного:

– А вам что, господин?

Горохов остановился. Помялся и произнёс:

– Меня обворовали.

Теперь все, курильщики у двери уставились на него.

– А документики есть у вас, кто вы, откуда? – Взгляд «дежурного» стал колючим, изучающим.

– Я геодезист, из Березников. – Горохов достал и протянул ему документ.

– Из Березников? – «Дежурный» взял в руки его идентификационную карту, посмотрел. – Далеко забрались.

– Вышла компания «Буровые Карпова» давала объявление, что ищет буровика и геодезиста, вот... Приехал и попал в неприятности... Меня ранили, а потом и обворовали...

– Обворовали? – Интерес «дежурного» сразу иссяк, он вернул документ Горохову. Как-то обыденно и даже лениво спросил собеседник. – Кто вас обворовал?

– Не знаю. – Ответил Горохов. – Думаю, что Адылл и его жена.

– У Адылла нет жены, – заметил один из курильщиков, – он с матерью живёт.

– Меня ранили дарги, я...

Он хотел рассказать всё, как было, но «дежурный» его прервал, видно, его история уже никого тут не интересовала:

– Вам лучше это всё рассказать приставу. На второй этаж и по коридору прямо, он сейчас в кабинете. – Сказал «дежурный», и это звучало не иначе, как «до свидания».

Горохов понимающе кивнул и пошёл искать лестницу.

Оружейка на первом этаже. Решётка крепкая, на замке. В пирамидах винтовки, штурмовые ружья, два пулемёта, две снайперские винтовки. Гранаты, патроны в ящиках до потолка.

Оружия и снаряды на полноценный взвод, на несколько дней хорошего боя.

Он прошёл мимо лестницы по первому этажу. Двери, двери. Все крепкие, железные, все заперты, одна из дверей шире других, с уплотнителем и знаком химической опасности. Наверное, тут хранят миномётные мины и гранаты с химической начинкой. Ну, и гранты для подствольника такие же.

– Эй, мужик, ты чего тут лазишь? – Весьма недружелюбно окликнул его один из здешних людей. Высокий и в бронежилете, при оружии, он внимательно смотрел на него.

– Туалет искал, – ответил Горохов, останавливаясь и поворачиваясь к кричавшему.

– Сортир на улице, – всё так же грубо говорит тот.

– Ладно, тогда я потом, сначала к приставу зайду.

– На второй этаж иди, – рекомендовал высокий, – тут не шастай.

Дверь у пристава была отворена настежь. По всему коридору слышался тяжёлый бас, говорили об охране буровых, о минных полях, что закроют подходы к ним с юга и запада. Говорили, что мин мало и решали, как их лучше ставить. Разговор Горохову показался очень интересным, но встать и слушать нельзя. Он прошёл, остановился в дрелях и тихонько постучал в косяк обреза, чтобы привлечь к себе внимание.

В небольшой комнате без окон работал кондиционер, там, у стены, на стульях сидело три человека. Четвёртый сидел в кресле за столом. Сразу и без кресла было видно, кто тут пристав. Он не сидел за столом, он над ним возвышался. Стол ему был до пупка. Рост два метра, не меньше. Бронежилет последней модели, тот, что с «горлом» и «плечами». И у него были усы.

«Как они ему не докучают под маской, тут щетина отрастёт, так от постоянного ношения маски от неё раздражение по всему лицу начинается, а тут целые усы».

– Вы ко мне? – Спросил большой, уса́тый человек у Горохова.

– Наверное, к вам. – Ответил тот. – Вы пристав?

– Пристав города Губаха, Меренков. – Представился, не вставая, уса́тый. – А вас как звать?

– Горохов, геодезист, буровик. – Ответил Горохов.

Пристав жестом показал всем остальным людям, что они свободны:

– Завтра начинайте, а вы, – он указал Горохову на стул перед столом, – а вы, господин Горохов, садитесь. Рассказывайте.

Он дождался, когда все выйдут, и сел на предложенное место:

– Ну, рассказывать долго не буду. Я на подъезде к вашему городу был ранен. И...

– А документики ваши можно взглянуть? – Вдруг заговорил мужчина, а сам внимательно наблюдал.

Горохов положил обреза на колени, полез во внутренний карман, достал удостоверение и протянул его Меренкову.

Тот стал внимательно его изучать и расспрашивать одновременно:

– Ага, Андрей Николаевич... Березники... Геодезист, ясно. Геодезист – это хорошо, – он всё так же внимательно смотрел на Горохова, – как раз вовремя, понимаете, мне как раз тут

одну карту принесли, говорят, воды море, озолотиться можно. Не взгляните? Говорят, что две дыры просверлить – и качай воду, говорят воды, там целое море.

– Конечно, взгляну.

«Не верит ему пристав, проверяет. Ну, что ж, правильно проверяет, на то и пристав».

Меренков достал из стола потрёпанную карту, разложил её на столе. Горохов встаёт, склоняется над картой. С ней всё ясно с первого взгляда.

– Ну, это несерьёзно, – сразу сказал геодезист, – что это за карта, привязок нет, глубин нет, координат нет, слои не отображены. – Он смотрит на пристава с укоризной. Так себе проверочка. И говорит: – Эту карту либо неуч делал, либо... жулик.

– Значит, карта фуфло?

– Думаю, что так.

– А к нам вы зачем? Вы уж извините, но я не от любопытства спрашиваю. Должность, понимаете, обязывает.

– По объявлению. В газете у нас, в Березняках, было объявление, что «Буровые Савинова» ищут инженера-буровика или полевого геодезиста. Я в любой должности готов работать, вот и приехал.

– А газетка с объявлением у вас случайно не сохранилась?

– Нет. – Геодезист потряс головой.

– Ладно, ясно, Андрей Николаевич. – Меренков убрал карту. – Так откуда вы ехали? – Он вернул Горохову удостоверение.

– С севера. – Горохов снова сел.

– С севера? Ранили, наверное, вас у дюны? – Пристав вытащил из стола другую карту, стал разворачивать её.

– Да, – Горохов кивнул, – стреляли с дюны.

– Руку зацепили? Или ещё что? – Он осмотрел одежду Горохова.

– Бок навывлет и руку навывлет.

– О! Повезло вам, что живым ушли.

– Не без этого.

– Дюна – поганое место, – сказал пристав, теперь разглядывая карту. – У меня нет людей, чтобы патрулировать ту дюну. Север я проверяю только пред тем, как отправляем на Соликамск автопоезд с водой. А так... Нет... Вот они на севере и промышляют. Моя задача охранять буровые и город, дороги я не контролирую.

Он говорил честно и убедительно. По сути, этот большой человек с усами и не скрывал, что ему плевать на северную дорогу. Видно, за неё ему не платят. Он вздохнул и продолжил:

– Ладно, pošлю туда людей, поставят там пару мин на месте их лёжки. Может, тогда дикири, поумнеют, перестанут стрелять с неё.

– Да я, в общем, не по этому делу, ранили – так это сам виноват, нужно дюну было объехать, да торопился, до темноты хотел в город попасть.

– Да? А из-за чего вы пришли?

– Мне помогали, когда я ранен был. Когда я помощь искал... Тип тут такой есть, Адылл.

– Есть такой. Есть. И что?

– Вот он и его мамаша мне помогали... Отводили меня к Валере.

– К Генетику?

– К Генетику.

– Так?

– И, кажется, они украли у меня деньги. Были деньги во внутреннем кармане, рублей пять серебром, не помню точно, сколько было, а когда Валера меня выпускал, то попросил денег за лечение, я полез в карман, а денег нет. Только мелочь, что в штанах была. Да и ещё кольчуга была ультракарбоновая. Тоже нет.

– Угу, и кольчуга, значит, пропала, а может, это не Адылл, может, это Валера у вас всё украл?

– Не исключено, – чуть помолчав, произнёс Горохов. – Но мне кажется, что это... Адылл.

– Значит, кажется?

Пристав смотрел на него, не отрывая глаз, и в его взгляде прекрасно читалось две фразы: «Вот откуда ты такой взялся?» и «Плевать мне на твои деньги».

И когда он начал говорить, он просто в условно вежливой форме высказал то, что читалось на его лице:

– Уважаемый. В десяти километрах на запад отсюда стоят дарги. Они сюда каждое лето откочёвывают вслед за ночным мотыльком. Но раньше приходила одна семья, а сейчас там стоят три!.. – Он даже показал три пальца для убедительности. – Три стойбища!

«Три стойбища – это от тридцати до пятидесяти мужчин. От тридцати до пятидесяти воинов», – сразу прикинул Горохов.

– Раньше клан Серых Камней и клан Толстых Ног резали друг друга за каждый лишний бархан с саранчой, а теперь они стоят вместе. Дружат. А мне от дружбы людоедов не по себе. – Продолжал пристав Меренков. – Понимаете? Три стойбища лютых дикарей рядом с моей Губахой. И это только то, что мы нашли, а к середине мая так от Перми ещё пойдут кланы.

– Так они по реке пойдут. – Без всякой надежды произнёс Горохов.

– Не волнуйтесь, мимо не пройдут, они и к нам заглядывают. – Уверил его пристав.

– Значит, вы мне не поможете?

– Знаешь, геодезист, – вдруг заговорил пристав без всякого намёка на вежливость, – если бы Адылл с мамашей тебя убили бы и не успели до утра закапать где-нибудь в барханах, то я бы послал людей их убить. Понимаешь? Такие у нас правила. Нет тут у нас ни следователей, ни судей. Городской голова судит не такие дела, только дела серьёзные. – Он наклонился над столом, чтобы быть к собеседнику ближе. – Это тебе ни Березники и ни Соликамск.

Горохов понимающе кивает. Он не собирается ни спрашивать, ни просить. Ему уже всё ясно. Можно вставать и уходить. Но он сидит, ну, из вежливости, что ли.

А пристав Меренков продолжает:

– У меня тут дарги вокруг города бродят, разбойники из Гремячинска пить-кутить навешиваются. А в городе свой промысловый люд по кабакам ошивается, те же самые разбойники, только более удачливые. А ещё полудикие охотники с высушенными жарой мозгами, рыбаки с озера, добытки полины и этой самой полыньей обдолбанные торчки. Это всё здесь, тут, в моём городе, – он ногтем указательного пальцем потыкал в стол. – А через неделю или дней через десять мне ещё водяные поезда к вам на север отправлять. Это, дорогой мой, край карты. Край карты. Тут кражи никого не интересуют, убийства – унылая повседневность, а ты говоришь про пять рублей украденных. В общем, времени искать твои деньги у меня нет.

«А жути, жути-то нагнал, герой, сказал бы, что не станет искать и всё. Край карты! Можно подумать, в других оазисах по-другому. А лицо-то у самого чистое, ни одного лишнего бугорка, ни отёка нет, видать, на витаминах и антибиотиках сидит, не слезает, на проказу и намёка нет».

– Ну, ладно, – примирительно сказал Горохов и встал, – нет – так нет. Сам разберусь.

– Эй, геодезист. – Окликнул его пристав.

Горохов замер.

– Только без фокусов, смотрите, чтобы мне за вами не пришлось людей посылать.

– Понял, да я и не собирался тут бучу устраивать, думаю поговорить с ними. Вдруг согласятся вернуть по-хорошему.

– Я вас предупредил. – Закончил разговор Меренков.

– Кстати, а у вас тут нет случайно «десять-шестьдесят»? – Горохов достал револьвер, открыл пустой барабан и показал его приставу. – А то у меня ни одного патрона. Может, хоть штук пять в долг дадите? До лучших времён.

– Такого калибра не держим, – сухо ответил пристав. – Спросите у Коли-оружейника, он тут за стеной лавку и мастерскую держит. Он делает на заказ.

– Ясно, спасибо.

В участке было прекрасно. Был бак с водой, можно было попить. Вышел на улицу и без термометра смог сказать, что температура перевалила за сорок три. Пекло не на шутку, а ведь ещё и полудня нет. Что тут будет к трём часам дня...

Дорогая, качественная полынь – это лёгкий порошок. Дозу не жуют и не глотают, её кладут в рот под язык, а там она сама быстро растворяется. От неё остаётся только чёрная слюна, лёгкая горечь, приятные видения и эндорфины в крови на полчаса. Полчаса. Всего полчаса, но ведь всем хочется эндорфинов всё время. И вот те, кто может себе это позволить, за вечер закидывают под язык три, четыре, пять или даже шесть порций этой горькой сладости.

И начинают к ней привыкать. Так привыкают, что и часа потом не могут без неё провести. Они даже есть без полыни не могут, пища без неё кажется просто безвкусной, и насыщения не наступает, сколько еды не сожри. Хоть до рвоты жри, даже и намёка на сытость не почувствуешь. И потом людям приходится лечиться. А те, кто не лечится...

Вроде, это главная городская площадь. В тени навеса у какого-то заведения стояли трое. Вернее, стояли двое, третий валялся в пыли. Спал или «улетал». Он увидел их первый, хотел пройти незамеченным, но уже знал, что они к нему прицепятся. Ну, хотя бы потому... Потому что больше тут никого не было.

– Эй, друг, погода... – сипло, едва выдавливая из себя воздух, кричал один из них.

Он не обернулся, крикнул на ходу:

– У меня нет денег.

– Я вижу, ты тут впервой, – этот тип не отставал от него и шёл за ним. – А я тут всё знаю.

– У меня нет денег, – твёрдо повторил Горохов, не останавливаясь.

– Стой, друг... Ну, может, тебе что нужно, а вещи у тебя есть хорошие? Я знаю, куда их пристроить по хорошей цене...

Горохов остановился, повернулся.

Ни маски, ни очков, ни фуражки с козырьком. На солнце ему плевать, на пыль плевать. Так и есть, сгоревший от полыни человек. Черные, разъеденные полынью губы в язвах. Порошок – это для богатых. Такие жуют горькие, едкие стебли, жуют их всё время. А стебли полыни разъедают им зубы. А ещё у этого типа не видно глаз, почти не видно. Воды он пьёт мало, но бугристые и обширные отёки на лице у него не проходят. Пальцы корявые, он сам себя ими держит за грудки. Ему дышать тяжело. Это проказа, через полгода отёки начнут лопаться. Впрочем, Горохов не врач. Может, и через три месяца полопаются. Ко всему прочему, этот несчастный ещё и обмочился совсем недавно. Штаны не просохли даже при такой жаре.

– Ты знаешь Адылла? – спрашивает Горохов.

– Дядя, я тут знаю всех, – сипит бедолага, он хочет казаться значимым, – пять копеек, и я тебе всё расскажу о любом, кто тут живёт больше года.

– Копейка. – Твёрдо говорит геодезист.

– Дядя, ты зря торгуешься. Я...

Горохов поворачивается и идёт дальше.

– Стой, ладно, копейка. – Сипит тип и, качаясь, идёт за ним.

– Ну, так кто такой Адылл?

– Да никто. И охотник, и саранчу давит, и за стекляшкой на озеро раньше ходил. Жена у него была, так её паук в пустыне укусил, померла, ребёнок был, так помер от проказы. Он и на буровых работал, и на «бетонке», но это так, по мелочи.

– А на бетонке кем?

- Не знаю. Врать не буду.
 - С кем-нибудь дружит?
 - Что? – Не понял торчок, слова такого не знал, наверное.
 - В банде, в бригаде какой-нибудь состоит?
 - Да в какой банде, кто его куда возьмёт, разве что с мамашей своей он в бригаде.
- Горохов полез в карман, достал копейку, протянул её этому типу.
- Вот спасибо, дядя, – обрадовался тот и протянул руку.
- Горохов кинул ему монету. Он не хотел прикасаться к этому человеку даже перчаткой.

Глава 5

На патронной мастерской вывески не было. Просто дом, такой же, как и все, только выбелен недавно, а на двери надпись нацарапана: «Коля урод».

Видно, не все здесь любят Колю. Горохов толкнул дверь, дверь тяжёлая, на ней засовы и замки мощные. Прилавок, а на полках все виды патронов: от пистолетных до пулемётных в лентах.

– Добрый день, – крикнул он.

– Добрый, добрый, – донеслось из другой комнаты. Там что-то работало, судя по звуку, какой-то станок, – сейчас.

Звук стих и у прилавка появился седой человек в очках, в майке и с кобурой подмышкой. Очки не те, что защищают глаза от солнца и пыли, а те, что для улучшения зрения. Висели очки на самом кончике носа. Всё остальное лицо закрыто тряпкой. Руки в перчатках, хотя в помещении жарко, скрывает проказу. Это видно даже по бугру, что растёт справа от носа, тряпка сползла и его не прикрывает. Впрочем, для его лет он ещё неплохо выглядит.

– Вы оружейник? – спрашивает Горохов.

– Именно. Ремонтирую оружие, делаю патроны. Николаем кличут. А вы у нас впервые, как я вижу. Работать к нам приехали?

– Надеюсь, что так.

– А чем промышляете?

– Геодезист и буровик Горохов. Мне вас посоветовали, говорят, что у вас можно купить любые патроны.

– Ну, не любые... Ходовые все есть. О! – Говорит Николай, оглядывая одежду Горохова. – Я смотрю, вы побывали в серьёзной передраге?

– Да, побывал...

– Я сначала думал, что вы просто руку сломали. Здесь у нас с кем-то связались?

– Да нет. Дарги на северной дороге подстерегли.

– У дюны?

– У дюны.

– Приставу нашему рассказали?

– Только что от него, но, кажется, ему плевать.

– Вам не кажется. Так чем могу помочь?

Горохов молча достаёт револьвер, откидывает барабан, показывает мастеру, что тот пуст.

– О! Кольцов! Вот это вещь! Можно взглянуть?

Горохов даёт ему револьвер.

– Надо же! – Восхищается Коля-оружейник. – Никогда не видал. У вас и оптика к нему имеется?

– И оптика, и приклад... Всё было.

– Было? – Оружейник смотрит с интересом.

– Там, у дюны, всё пришлось бросить: и мотоцикл, и сумку. Нужно было быстро уходить.

– И мотоцикл?

– Вот думаю, как до него добраться? Может, дарги его ещё не разобрали?

– Аккумулятор, если был, стартер и проводку содрали, даже и не надейтесь, что уцелело, а вот железо, может, и не потащат.

Ну, это Горохов и сам знал. Дарги уже почти нелюди, но мозг у них есть, в любом оазисе найдётся сволочь, а то и парочка сволочей, которые даргам за медь, свинец и алюминий готовы поставлять оружие и патроны.

Горохов покивал согласно:

– Не знаете, у кого можно взять транспорт, чтобы туда доехать? Хотелось бы взглянуть, может, что осталось от моего мотоцикла и моей сумки.

– А на залог деньги есть у вас?

– Нет.

– Ну... Тогда не знаю, – старик помотал головой, а сам всё рассматривает револьвер. – Кто рискнёт незнакомцу, дать дорогой квадроцикл. Так вот дашь, а потом ищи вас по степи. И даже... Не в том смысле, что вы сбежите, а в том, что вас просто убьют те же дарги или казаки. Мало ли, на кого вы в степи нарвётесь.

Горохов опять понимающе кивает. Оружейник абсолютно прав.

– Ну, и как машина?

Николай всё ещё рассматривал револьвер, взводил курок, нажимал на спуск.

– В упор не хуже дробовика. – Ответил ему геодезист.

– А на дистанции?

– На трёх сотнях метров с оптикой и прикладом в стандартную канистру из пяти пуль три кладу.

– О, неплохо для такого короткого ствола! Ствол у него сколько? Двести миллиметров, кажется. Ну, где-то так. Может быть, вы стрелок хороший?

– Средненький, – отвечает Горохов скромно. – Есть и получше.

– Отличное оружие, но я вас огорчу, патронов у меня к такому оружию нет. – Оружейник возвращает револьвер Горохову. – В наших краях это пижонство, люди у нас простые. Берут «винтовка» семь шестьдесят два, «винтовка» десять, «пистолет» девять, «пулемёт» двенадцать и семь. Ну, и для ружья десятку и двенадцатый. Всё.

– Но вы же сможете сделать?

– Могу, да вы их не укупите. Две штуки за алтын купите?

– Алтын за два патрона? – Горохов посмотрел на него неодобрительно.

Оружейник его прекрасно понимал:

– Ну, пуля нестандартная, мне её точить. Но это я наточу, сталь есть, станок есть, но гильза-то! Гильза нестандартная, мне под неё фору делать. Да и пластик под гильзу ещё подобрать нужно, нужен самый твёрдый пластик, не то её в барабане после выстрела разопрёт, вы её прямо в бою будете выковыривать оттуда отвёрткой. Нет, это всё непросто. Ещё и долго, так что и браться не хочу.

Теперь Горохов сам понял, что дело это не такое уж и простое:

– Ладно, – он положил на прилавок обрез, – а для этого, сколько патроны стоят.

– Двенадцатые? Картечь, жакан – всё по одной цене, две копейки за штуку. Ну, вам, как человеку, которому не смог помочь, дам шесть за алтын.

– Ладно, – геодезист вздохнул и выложил на прилавок маленькую серебряную монету, – четыре картечи, два жакана.

Оружейник забрал монету и выставил перед ним четыре красных и два синих патрона, после чего сказал:

– Вы зайдите к нашему городскому голове, он мужик неплохой, может, что и придумает с транспортом для вас. Его управа тут, рядом. Сейчас он, скорее всего, у себя, от жары прячется.

– Да? Это дело, схожу. Попробую... – Геодезист спрятал патроны в карман пыльника. – А вот вы сказали, что пристав мне не поможет, что ему на всё плевать, так вы...

– Я не так сказал, – оружейник поднял палец, тон его сразу изменился, он потряс пальцем и повторил, – я не так сказал...

Он чуть наклонился над прилавком, словно боялся, что его кто-то может услышать:

– Вы тут человек новый, но сразу уясните себе, что от пристава и его людей нужно держаться подальше.

– Что, опасные люди? – Тихо спросил геодезист.

Коля-оружейник сдал вид, что не услышал вопроса. Начал смахивать с прилавка несуществующую пыль.

Стало понятно, что разговор про пристава он продолжать не хочет, да и вообще, что разговор закончен.

Горохов попрощался и вышел на улицу.

Вышел и замер. Вот это да! Это бросилось ему в глаза сразу. Любому неместному бы бросилось. И не, потому что на пустынной и раскалённой площади-перекрёстке ничего больше, кроме этого, не было, а потому, что это не вязалось с его представлениями об окружающем мире и даже о человеческой биологии. Такое любого удивило бы.

В большом промышленном пылесосе-уборщике, что убирал пыль с площади, ничего удивительного не было. Такие есть везде, иначе город завалит пылью и песком за месяц так, что двери домов люди открывать не смогут. Пылесос – дело обычное, а вот тот, кто шёл за ревущей машиной, тот был удивителен. Вот он и привлёк внимание Горохова.

Конечно, это был человек. Человек в два метра ростом, и он был почти гол. Это при сорокапятиградусном пекле в тени. А он разгуливал на солнце, судя по всему, абсолютно не переживая по поводу термошока, он совсем не боялся солнца.

Солнце? Ерунда. Парень бродил на солнцепёке в одних брезентовых шортах по колено. Геодезист поджал пальцы ног в своих башмаках, когда увидел, что этот гигант спокойно идёт по раскалённому грунту, не имея обуви. Грязные ноги должны поджариваться, а он идёт вразвалочку и тащит за собой огромную лопату. Лопата на мощной трубе и площадью в квадратный метр. Она такая огромная, что не верится, что её наполненную кто-то сможет приподнять.

Геодезист тут его рассмотрел. Точно, теперь понятно, почему он не боится солнца. Коже его была точно такая же, как и кожа даргов, тёмно-коричневая в пятнах. Неужели это дарг? Нет, не может быть. Но ни фигурой, ни ростом, ни причёской этот тип не походил на дикарей. Те поджарые и низкорослые, все с брюхом. Этот же мощный гигант. У тех шапка жёстких, черных волос на голове, этот же почти лыс, волосы хлипкие, их совсем мало, через них темные пигментные пятна на малюсенькой башке видно. Руки у него крепкие, длинные, ноги мощные, на боках и талии заметны складки сала. Нет, совсем на дарга не похож, только кожа такая же.

Этот гигант шёл и волок за собой свою огромную лопату. Оператор пылесоса остановил свой агрегат. Тот протяжно гудел в испепеляющем дневном мареве. Ту пыль и песок, что не всасывал пылесос, гигант стал сгребать лопатой в кучу. Сгребал небыстро и не очень ловко, но, собрав кучу, он запросто, одним махом все, что было на лопате, закинул в бункер пылесоса.

«Здоровый паренёк!»

Может, он был и не очень ловок, но такую гигантскую лопату песка закинуть в бункер мог только очень сильный человек. Пылесос затарахтел громче и поехал дальше убирать песок. И снова полуголый гигант поволок свою лопату за пылесосом.

– Первый раз, что ли такое видите?

Горохов вздрогнул от неожиданности. Рядом с ним стоял Коля-оружейник.

– Признаться, первый раз. – Произнёс Горохов, доставая сигарету. – Это кто...? Какой-то полукровка? Смесь дарга и человека, что ли?

Кожа у него дикаря... Но это же не дикарь. Дарги работать совсем не умеют. Кто это?

Было понятно, что под тряпкой Коля-оружейник улыбается:

– Видно, давно вы на юге не бывали? Тут у нас такие хлопцы уже не в диковинку.

– А кто это... Откуда такие тут? – Горохов даже не знал, как называть такого человека.

– Их ботами называют.

– Ботами? А что это значит?

– Значит это биологический робот. Бот.

– Биологические роботы? И давно такие хлопцы у вас? – Не верил Горохов.

- Уже год-полтора как.
- И так по всему югу?
- По всему югу.

«Врёшь, дядя, не по всему югу такие красавцы ходят. Боты. Глянь, уже и название им придумали».

Горохов закурил, всё ещё глядя вслед удивительному существу, что уходило по улице за пылесосом:

- А эти боты... Вот только такой модели бывают?
- А почему интересуетесь, может, приобрести желаете? – Опять Коля улыбался под своею тряпкой.

– Да нет, боюсь, что появится такой бот геодезист или бот инженера-буровика, куда мне тогда деться?

– Да нет, кажется, умных их не делают. Лопатой махать – это пожалуйста, а геодезист и водоискатель – это вряд ли. – Успокоил его оружейник.

Горохов вспомнил, засмеялся:

- А вот девки в столовой... Подходили ко мне, одна за другой, говорили одно и то же...
- Они, – кивал Коля.

– Боты?

– Боты.

– Ты погляди, – восхищался геодезист, – таких красавиц сделали, а ума не дали. Им бы ума малость...

Коля-оружейник смеётся:

- Если им ума малость дать, так такую себе захочешь купить и жену на улицу выгонишь.
- Это да, это да... – Соглашается Горохов.
- А вы, значит, давненько на юге не были, раз про такое не слыхали.
- Да, давненько. Полгода южнее Березников не заезжал.
- Значит, до Березников наши боты ещё не добрались? Не видели там таких?
- Нет, не видел, – признался Горохов.
- А говорят, что люди из Березников их покупали. – Продолжает Коля-оружейник.
- «Чего ты прицепился-то? А? Чего вынюхиваешь?»

– Может, и покупали, я у себя дома и недели не прожил, не видел. Я больше года в других местах был, – говорит Горохов.

- На севере, наверное, в прохладе?
- Нет, – не стал врать Горохов, – на западе.
- За рекой, что ли? – Удивляется оружейник.
- За рекой, за рекой.
- Вон оно как, за рекой, значит. Говорят, там места суровые.
- Суровые, – отвечает Горохов, – это у вас тут, вроде как, тишина. Там не так.
- И что же вы там делали, воевали?
- «А ты дядя, настырный, что ж тебе нужно?»

– Да нет, зачем же.. Бурил, воду искал. Под Кудымкаром воду искал. Там реки плохие, амёбой заросли, вот и помогал людям.

- Ну, нашли воду-то? – Не отставал Коля.
- Если бы нашёл, я бы сейчас работу не искал бы, я бы до конца жизни работу не искал бы.
- А, ну ясно...

– А где этого... такого бота можно купить? – Спросил Горохов, затушив окурок и стрелнук им в пыль.

- Заинтересовались, значит?

– Заинтересовался... – Геодезист усмехается. – Не дают мне покоя те девки, что в столовой видел. Очень красивые.

– Девки они... дорогие, – оружейник тоже усмехается, но всё равно не говорит, где купить бота.

– А вдруг разбогатею? Так не подскажите, у кого можно узнать про ботов?

– Ну, у Ахмеда спросите. Он ими торгует.

– А этот Ахмед такими вот ботами... Ботами-девками торгует или всякими?

– Девками, а вам что, ещё и промышленные нужны?

– Ну, не знаю, хочу взглянуть, прицениться... Узнать о таком чуде побольше... У меня есть знакомые, которые и промышленных ботов купят. Вдруг на буровых пригодятся.

– На буровых они у нас и работают, но я не знаю, где таких берут. Вы там будете, вот и спросите. А девок берут у Ахмеда.

– У Ахмеда?

– Ага, у него кабак в конце этой улицы, – Коля указывает направление, – но он сейчас закрыт, он с сумерками открывается.

– Ясно, спасибо... – Говорит Горохов и выходит из тени на солнце.

Время – второй час, в тени было сорок семь градусов.

Глава 6

А Горохов пошёл дальше. Шёл из тенька в тенёк, стараясь не торчать на солнце подолгу, кругом почти никого не было. Проехал один электрический грузовичок, подняв пыль. У одной вонючей лавки двое мужичков выгружали банки с саранчой – утренний улов. И всё, больше людей на улице не было.

И тут, наверное, от жары ему стало тяжело, словно воздуха перестало хватать. Он остановился у стены одного дома, присел на корточки, достал флягу. Вода во фляге едва ли не горячая, но это всё равно вода, она всегда ему помогала.

Он сделал десять маленьких глотков и подышал. Нет, на тепловой удар, не похоже. Голова не кружится, ясная, вроде. Перед глазами картина чёткая. Наверное, это последствия ранения. Он сжал и разжал пальцы на левой руке. Вот ещё один повод для беспокойства. Такое впечатление, что отлежал руку. Пальцы слабые и подчиняются плохо. Он ещё выпил воды.

Закрыв флягу, огляделся. На другой стороне улицы приземистый дом без окон, а на нём два мощных кондиционера и неброская вывеска.

«ГубахаБанк».

«Эти везде хорошо живут: два кондиционера, шутка ли? Вся крыша в солнечных панелях. Только вот на такие кондиционеры никаких панелей не хватит, значит, электричество на стороне покупают, значит, процветают. Стоит заглянуть, там прохладно».

Горохов встал и, хоть и чувствовал себя не очень, пошёл быстро, чтобы не задерживаться на солнце.

Да, чёрта с два. Бронированная дверь заперта. Рядом с косяком кнопка. Тут тени нет. А солнце жарит немилосердно. Он давит на кнопку.

– Добрый день. – Доносится приятный женский голос из динамика, который он сначала не заметил. – «ГубахаБанк» рад, что вы пришли, не сообщите цель вашего визита?

Он подёргал дверь. Нет, заперта. А ещё он не видел микрофона и не знал, куда говорить, поэтому решил говорить погромче.

– Моя фамилия Горохов, я геодезист. Я хочу обналичить чек.

– Вы не клиент нашего банка?

– Нет, я приезжий.

Молчание. Тишина. Она там думает, а он стоит на солнце, когда в тени уже давно за пятьдесят.

Наконец голос слышится снова.

– Мы рады, что вы посетили нас. Прошу вас пройти в тамбур.

Наконец-то замок на двери щёлкнул, дверь засипела, оторвавшись от герметичного уплотнителя. Он вошёл в прохладное помещение.

«Ничего себе, не хуже, чем в Соликамске».

Боже, как тут хорошо. Градусов двадцать семь не больше. Ещё и воздух увлажнён.

– Прошу вас оставить всё оружие в корзине, что справа от вас. А также снять головной убор, маску и очки, – раздался всё тот же приятный голос.

Справа корзина, он кладёт туда дробовик, достаёт револьвер, тоже кладёт его туда. Потянул из ножен тесак...

– Это можете оставить. – Говорит голос.

Тут камеры, конечно.

– Прошу снять головной убор, снять респиратор и очки, встать у окошка в двери и замереть.

Он всё сделал, как его просили.

– Благодарим вас за понимание. Прошу вас, входите.

Он вошёл в небольшой зал. Там за красивой стойкой стояла редкой красоты молодая женщина. Белая рубаша, самая белая, что он видел за последние два года. Изящная, высокая блондинка с зелёными глазами, крашеными ногтями и яркими губы, судя по ней, она на солнце отродясь не бывала. Прокказа? Да она о ней даже и не слышала, наверное. Женщина улыбалась ему:

– Добрый день, «ГубахаБанк» рад вас приветствовать, если у вас есть медь, алюминий, свинец или другие ходовые товары, мы примем их без ограничений, расценки на стене справа от вас.

«Очень уж ты красива, неестественно красива для здешней дыры, а не из тех ли ты девиц, что я уже сегодня видал в столовой? Да и говоришь ты так же».

Она говорила приглушённо, и он смотрел на неё, вернее, любовался ею и не сразу понял, что между ними толстенное стекло, настолько стекло было чистым. Он даже потрогал его, а она посмотрела на него строго: «Не надо трогать стекло».

Тогда Горохов взглянул на стену справа от себя. Там был лист с расценками на металлы.

«Ну, конечно, вот откуда у них деньги, хотя кто им по таким ценам будет продавать цветнину – непонятно».

Цены на всё были почти в два раза ниже, чем можно было продать в Березниках.

– У меня нет металлов на продажу, – наконец ответил он.

И тут он увидел у стены кулер. Бак полный воды и изящный стакан рядом.

Он отошёл от стойки со стеклом, от красивой женщины, взял стакан и стал наливать в него воду. Вода мало того, что была бесплатной, так она ещё была и холодной.

Он с удовольствием выпил стакан и стал наливать ещё, хотя неданно пил. Нет, не от жадности, просто ему стало сразу лучше, как он только выпил холодной воды.

Выпив второй стакан, он снова подошёл к стойке:

– Извините.

– Ничего страшного, – ответила женщина и улыбнулась, – мало, кто останавливается на двух стаканах.

Да, ему сразу стало легче. Он перегрелся. Это после ранений он такой слабый стал, раньше он весь день на солнце проводил и только ближе к вечеру начинал чувствовать приближение теплового удара, а сегодня... Точно, после ранений ещё не восстановился.

А красавица с дежурной улыбкой всё ждет, когда он начнёт говорить о деле.

– Понимаете, я был ранен в дороге сюда, потерял все вещи, а потом ещё был обворован тут, пока лечился... – говорит он.

Она понимает, она кивает, она улыбается ему.

– Короче, я хотел бы выписать чек.

Она всё кивает и заканчивает мысль за него:

– Вы хотите выписать чек, и что бы мы его обналичили?

– Да. У меня в Березниках счёт, там есть деньги. Если я выпишу чек, вы его примете?

– Примем, конечно. – Говорит она.

– Ну, слава Богу, а то у меня осталось полрубля. – Говорит он радостно.

– Но обналичить сразу мы вам его не сможем, – продолжает красавица.

– Не сможете? – Радость Горохова сразу поубавилась.

– К сожалению, нет, мы должны проверить подлинность чека, вы же понимаете, – она всё так же улыбается, даже отказывая, она будет ему улыбаться. – Придётся подождать недельку.

– Недельку?! – Воскликает геодезист. – Но вы же можете проверить чек по телетайпу сегодня.

– Нет, к сожалению, телетайп уже год как не работает. – Отвечает красавица.

– Не работает? – Горохов делает вид, что не знал этого.

– Уже год или даже больше. Говорят, что под Усть-Игулом сняли кабель.

– А «релейка»?

– Уже полгода не работает, с тех пор как казаки разгромили Александровск и радиорелейную станцию там, связь так и не восстановлена. – Её улыбка начинает его раздражать. – Но вы не волнуйтесь, по средам у нас почтовый дрон летает в Соликамск, если его не собьют, он вернётся в понедельник. Вам следует подождать всего недельку.

– Если его не собьют, всего недельку подождать? – Мрачно переспрашивает Горохов.

– Да. – Отвечает она.

– Простите, а как вас зовут?

– Людмила.

– Людочка, – он начинает говорить вкрадчиво, теперь он тоже ей улыбается, – а нельзя ли как-нибудь ускорить процесс. Понимаете, у меня прожить неделю на пол рубля вряд ли получится, тем более что я два рубля должен за лечение. Я бы был очень вам признателен, очень.

– Конечно, можно, – тут же соглашается красавица, – мы можем послать курьера, это займёт всего три дня и будет стоить семь рублей. Вы готовы понести такие расходы?

Он помрачнел, ему очень захотелось назвать её «дурой», поинтересоваться, в своём ли она уме, но вместо этого Горохов говорит:

– Нет, я буду ждать дрон. Давайте бумагу и ручку, я выпишу чек.

– Можно ваше удостоверение? Я внесу вас в реестр.

Горохов отдал ей документы через узкую щель в стекле.

– Сию минуту, – да, её улыбочка начинает его уже раздражать.

Он написал чек на пять рублей, оставил его девице. Перед уходом спросил у нее, где контора вододобытчиков.

– Точно не знаю, кажется, в пяти километрах отсюда. В южном направлении... Я точно вам не могу сказать, не была там ни разу.

«Кто бы сомневался».

– В степь каждое утро туда ходит машина. Слышала, что отъезжает от управы городского головы в четыре утра.

– Спасибо, Людмила.

– Всего хорошего, Андрей Николаевич. Буду ждать вас в следующий понедельник, надеюсь, из вашего банка придёт подтверждение.

Как ни хотелось Горохову выходить на пятидесятиградусную жару, но сидеть тут до вечера у холодного кулера ему вряд ли разрешат.

Жара как волной его накрыла. Нет. Уже не пятьдесят, уже перевалило за полтинник. Может, уже пятьдесят два. И до трёх так и продержится. Нужно искать место, иначе его опять зашатает.

И рука всё какая-то другая, всё немеет, и пальцы вялые, едва шевелятся. Столовая – больше ему некуда было податься. Ну, не к Валере Генетику идти же. Он ему и так два рубля должен, ещё и докупать... Нет, так не пойдёт.

Он пошёл по улице в обратную сторону. Шел, перебиваясь через открытые места почти бегом.

На улице кроме него вообще никого, даже торчки попрятались.

Шёл, думая, что закажет в столовой, и случайно поднял голову. Посреди улицы, на самом солнцепёке стоял человек. Был он в простой куртке на голое тело. Ни респиратора, ни очков, ни шляпы или кепки – ничего, как будто жара его абсолютно не касалась. И оружия при нём не было. Он стоял и внимательно смотрел на Горохова.

Ноги длинные, на первый взгляд худые, корпус же очень мощный, руки тоже мощные, пальцы сжаты в кулаки. Голова почти без шеи. Губы тонкие, глаза чуть навывкат, было в нём

что-то необычное. Да уж куда необычнее – стоять с непокрытой головой на улице, когда время идёт к трём. А этот тип стоял и смотрел на идущего к нему геодезиста. Как у него мозги не закипали? Впрочем, может, тоже любитель пылини. Ещё и тарашится так нехорошо, словно собирается заговорить или даже затеять ссору.

«Мне ещё ссор тут не хватало, мне ещё с психом или наркотом поскандальить осталось».

Чтобы выглядеть дружелюбнее и при этом не снимать маски, Горохов поднял левую руку, ну, насколько это было возможно, и помахал незнакомцу слегка, но сам правой на всякий случай взвёл курки на дробовике.

«Зараза».

Щелчок одного курка, вроде, и тихий, но в абсолютной тишине знойного дня очень даже хорошо был слышен. А тут один за другим два щелчка.

Странный тип покосился на его обрез, но ничего не сказал и рукой не помахал в ответ. Ничего. Только всё тот же тяжёлый изучающий взгляд.

«Да и хрен с тобой, мне махать ручкой не нужно, это хорошо, что курки так щёлкнули, пусть знает, что я начеку».

Так Горохов и прошёл мимо этого странного человека. Он даже обернулся, отойдя от него шагов на десять, чтобы проверить, не идёт ли тот, а то кинется ещё сзади.

Нет, этот тип так и стоял на том же месте, так и смотрел вслед уходящему геодезисту. И жара его не брала. Вот же люди.

А в столовой тоже жарко, тридцать три, наверное, кондиционеры не справляются. Понятное дело, он не один такой умный, почти половина столов занята, люди на вид приличные, женщины есть. Нет, не те, что были утром. Нормальные женщины, зашли выпить холодной воды со степной мятой. Многие пьют чай, разговаривают. Тут можно раздеться и посидеть в одной рубашке под крыльями вентилятора, что крутятся под потолком.

Пришла Ёзге, встала у стола молча, смотрит, чуть склонив голову на бок, ждёт.

– Воды, – говорит Горохов, кладя на лавку рядом с собой обрез.

– Холодной?

– Самой холодной. – Он скидывает пыльник.

– Холодная – две копейки литр.

– Неси. Только сначала пол литра, не хочу, что бы остывала.

– Да знаю, – с апломбом говорит девочка, чего, мол, учите. – Ещё что будете заказывать?

– Буду, но сначала воду.

– Сейчас принесу. – Говорит она и уходит.

Геодезист привалился к стене, она казалась прохладной. Ему было наплевать, что все в столовой смотрят на него, кто украдкой, а кто и не очень. Он сидит под вентилятором и ждёт холодную воду. Ему нужно было отсидеться, прийти в себя.

Глава 7

Нет, кормят у татарки Кати паршиво. Она как тумба стояла за прилавком, лицо закрыто тряпкой, только глаза видно. Следит за девочкой, как та работает, да деньги у неё принимает. А после четырёх люди стали прибавляться, из двенадцати столов только два не заняты. В основном все местные. Сюда с жёнами приходят, даже с детьми. Пьют всё, от воды с мятой и холодной браги до горячего чая и самогона. Но были и пареньки в солдатской обуви, крепкие такие, подтянутые. Они не пили, они по большей части ели.

Саранчу, наученный горьким опытом, он заказывать не решился, попросил кусок ноги дрофы и гороховую кашу. Ну, и опять разочарование. Горох высох, лежал в тарелке куском, дрофа была древняя, мясо от неё отделялось волокнами. И только за это блюдо пришлось отдать одиннадцать копеек. Одно разочарование.

– Что ж ты не сказала, что это нельзя есть, – с укором произнёс он, когда Ёзге забирала у него тарелку.

– Так слопали же, – нагло заявила она.

– Еле-еле.

– Другие жуют, ничего, а вы, сразу видно, с севера. – Говорила она, протирая стол. – Возьмите тыкву печёную, она вкусная. Козинак из семечек – с чаем очень вкусно.

– Я сегодня ваш чай уже пил, чуть не отравился, его варили неделю назад.

– Берите, говорю, чай, утром новый сварили, – сказала она, собираясь уходить. – Ну, что-нибудь закажете?

– Позже.

Насидел на двадцать две копейки, копейку дал девочке. Много потратил, но отдохнул. Не на улице, всё-таки, в пекле жарился. Наелся до следующего обеда. Долго разминал руку, поначалу она не беспокоила его, а теперь болела. Вот бок, слава Богу, почти не напоминал о себе. Боль появлялась, если только резкое движение делал. Да и то ненадолго. Если бы рука не болела, то можно было сказать, что посидел в удовольствие. После того как она принесла чай, он спросил у Ёзге, есть ли тут комнаты. Девочка сказала, что есть: койка стоит шесть копеек, комната с охлаждением – алтын. Он ничего ей больше не сказал, стал пересчитывать оставшиеся деньги.

К вечеру ближе женщин в столовой поубавилось, стала играть музыка. Мужики разного вида заполнили заведение: крепкие работяги с буровых, охотники-рыбаки, парни солдатского вида тоже были, был и прочий приличный люд, который не обворует, если ты случайно заснёшь прямо за столом.

На столах помимо еды стал появляться кукурузный самогон, холодная брага, а для любителей изысканного, разноцветные настойки на разных кактусах.

Ёзге выгнала из подсобки девок-ботов. Они прошлись, покачивая задами по столовой под заинтересованными взглядами мужчин. Для них у стены была специальная скамейка. Юбки у них и так короткие были, а тут они ещё и расселись совсем привольно. Не то, что колени, все ляжки на виду. Руки и плечи тоже открыты. Холёные, здоровые – ни проказы, ни ожогов, ни шрамов. Улыбаются, а во рту зубы все отличные. Одна краше другой – загляденье. Да, красивые, что тут скажешь. Интересно, а как они себя в постели ведут...

Горохов наблюдал за ними и не мог поверить, неужели это ненастоящие женщины? Всё, всё в них, как у живых. Только вот не курили они и не пили ничего. Сидели, не меняя поз, нога на ногу.

Если проходил мужчина мимо, так начинали говорить одна за другой, но одно и то же, только с небольшой задержкой. Это выглядело даже смешно. Если мимо шла женщина, так её они даже не замечали. Ему было очень интересно наблюдать за ними.

Когда мужичок подпитый останавливался рядом с ними, так они оживали и даже вставали и выпячивали свои красивые бёдра. Крутились перед ним, показывая себя с разных сторон. И опять лопотали одно и то же, иногда все вместе.

А если и нет – так сидели и таращились в одну точку, но не забывали про улыбку во весь рот. Выглядело это странно. Нет, женщины себя так не ведут. Настоящие бы переговаривались хотя бы.

А мужички ими интересовались. Подходили, осматривали, разговаривали и даже щупали. Боты были совсем не против, а вот Ёзге начинала кричать через весь зал:

– Эй, эй, Фёдор, чего лапаешь, заплати сначала, потом лапай...

Это вызывало смех в столовой. Забавный городок Губаха.

Сумерки спускались быстро. Чем южнее, тем быстрее день сменяет ночь. В столовой уже негде было сесть, за стол к Горохову давно подсели два рыбака, понемножку пили, говорили про рыбалку, готовились к дальнему выходу на Широковское водохранилище. Дважды предлагали выпить ему, но он дважды вежливо отказывался. У него были запланированы дела на этот вечер. Стало жарко и душно, и тогда он стал собираться. Уже оделся, встал и допивал воду.

– Так вы что, уходите? А койку снимать не думаете? – У его стола остановилась Ёзге. Как она только за всем поспевала? – Вы что, у нас койку снимать не думаете?

– Позже приду. – Ответил Горохов, беря обрез.

– Так что, мне вам койку стелить или комнату возьмёте? – Кричала девочка.

– Пока не знаю, – отвечал он, идя к двери.

На улице уже не так тяжело, как днём, тридцать четыре, а может, тридцать три. В воздухе стрёкот – это саранча вылезла из песка и пыли. Летаёт, трещит своими жёсткими крыльями. Жрёт тлю, колючку, кактусы, мотылька. Всё жрёт, что сможет найти. Ночной мотыль летает бесшумно, и его сейчас много. Сезон.

Жирный и липкий мотылёк шлёпнулся ему на очки. Он стряхнул его, протёр стекло перчаткой и пошёл по дороге на север, к выходу из города.

Дом Адылла он толком помнить не мог. Не в том он был тогда положении, чтобы что-то запоминать, но ориентировался Горохов везде хорошо. И в пустыне, на незнакомой местности, и в знакомых городках.

Левая от дороги халупа стоит на отшибе первая. Это и есть тот дом.

Он прошёл по дороге на север, нашёл небольшой бархан метрах в тридцати от дома. На таком маленьком бархане пауки почти никогда не селятся, но всё равно нужно быть осторожным, получить к ранам ещё укус белого паука совсем не хотелось бы. Он, подобрав полы пыльника, сел на песок.

Нет, торопиться он не будет, пусть люди улягутся спать, пусть луна выйдет. Тогда он всё осмотрит, уже тогда будет действовать.

Ветер был южный, поэтому он не волновался, отодвинул респиратор и, пряча пламя, закурил, держа сигарету в кулаке «по-солдатски», чтобы в ночи огонька никто не увидел. Дом был отсюда немного виден. Не дом, а лачуга. Щели у двери такие, что даже здесь видно выходящий через них свет. Не спит Адылл, жжёт электричество, не на его ли деньги, не на деньги Горохова жирует вор?

Дым подхватывался ветерком и улетал на север. А он ждал, пока чуть посветлеет. Луна вот-вот должна была выйти.

А вокруг шла жестокая жизнь большой степи: саранча шуршала крыльями, то и дело перед глазами пролетал жирный мотылёк. Глупый, едва различимый в темноте геккон подбежал к его ботинку. Геодезист кинул в него горстью песка. Тот проворно убежал, а тут и луна вышла.

Это хорошо, что он подождал луну. Торчок говорил, что Адылл работал на «бетонке» и что он рыбак, а значит, худо-бедно, но со взрывчаткой знаком. Горохов это помнил. Он сначала обошёл дом с востока. Постоял, присмотрелся. Тут барханы кругом мелкие, колючка, через них он и подошёл к дому. Дошёл до дома, снова остановился, снова стал присматриваться и нашёл. На углу, как он только сумел разглядеть в темноте – нитка натянута. Горохов бы так делать не стал. Не то, не так и не там. Дурак этот Адылл.

Но нужно быть аккуратным, нужно быть уверенным, что это не единственный сюрприз от Адылла. Пройдя немного, снова остановился, приглядывался, приглядывался... Так и есть, перед домом ещё одна нитка. Пошёл, ведя по нитке пальцами, и удача... РГДшка прикручена к стеблю колючки и присыпана песком. Идиот, а если кто пойдёт вечером из соседей? Ведь прямо перед дверью поставил. Видно, не любит человек гостей. Или к нему никто никогда не ходит?

Он нащупал чеку. Нет, этот болван даже взвести гранату не мог нормально, чека сидела плотно. Он легко обезвредил ловушку. РГД-5 ему пригодится, да и крепкая капроновая нитка тоже.

Он постоял, прислушался. В доме тихо, но свет горит. Тогда геодезист взял обрез подмышку и концом тесака стал выковыривать твёрдые куски грунта.

Наковырял штук десять кусков, величиной с половину кулака.

Геодезист встал и кинул кусок на крышу дома. Крыша у него из старой жести, плохо сваренная, бугристая, со щелями. Во время осенних самумов Адыллу на голову, наверное, песок сыплется. Кусок грунта покатился по крыше, негромко грохоча.

Горохов один за другим кинул ещё два куска грунта и замер. Да, кто-то в доме стал переговариваться. Тогда он кинул ещё пару кусков грунта. В доме снова заговорили. Он бесшумно прошёл к двери, прислонился к стене рядом, прислушался. Нет, разобрать, что говорят, было невозможно. Он опять стал кидать на крышу куски сухой земли. Теперь кто-то подошёл к двери и замер. Так они и стояли какое-то время с двух разных сторон двери, не шевелясь и слушая друг друга. Нет, этот хитрозадый Адылл не собирался открывать дверь и выходить, чтобы узнать, кто ходит по его крыше.

Ну, что ж, ладно. Горохов снова зашёл за угол, так же осторожно переступил через натянутую нитку, которую обнаружил первой, и пошёл на восток. Там, у прогалины, заросшей пустынной колючкой, он выбрал самый длинный стебель. Полтора метра, ему хватит. Не без труда, одна рука-то почти не работает, срезал его и обрубил ветки, оставив одну небольшую у самого основания. Получился полутораметровый крюк.

Привязав к этому крюку нитку, он аккуратно зацепил крючком за растяжку и зашёл за угол дома. Ну, теперь-то ты откроешь дверь Адылл? Он кинул один за другим оставшиеся комки на крышу дома. Могло показаться, что кто-то не очень тяжёлый бегаёт по ней. Например, дрофа собирает там саранчу. А что, дрофа легко могла запрыгнуть на крышу. Дрофы такие. Потом Горохов потянул за нитку.

У РГД-5 хлопок несильный, он звонкий, короткий, после него, если ты был рядом, звенит в ушах, но слышно его не очень далеко. Стоя за углом дома, Горохов никакого дискомфорта не почувствовал. Но в том, что взрыв слышали все соседи Адылла и он сам, можно было не сомневаться. Но геодезист боялся, что и сейчас дверь не откроется. На месте Адылла он бы не открыл.

За то дверь в доме на противоположной стороне улицы открылась. На дорогу упал свет, на который тут же полетели мотыльки. Какой-то мужик встал в дверях и крикнул в ночь:

– Это у кого хлопнуло?

Горохов присел у стены дома. Замер. Секунды шли, но было тихо. Никто мужику не отвечал.

– Адылл, это у тебя? – Продолжал орать в ночи мужик.

Только теперь за дверью, совсем рядом с Гороховым, зашуршали.

«Ну, открывай, тебя, сволочь, соседи спрашивают».

Лязгнул засов. Скрипнула дверь. Появился луч фонаря.

– Адылл, ты? Что там у тебя? – Не унимался мужик. Горохову показалось, что он пьяный.

– Иди спать, Яша, – Горохов узнал этот голос, это орал Адылл.

– А что там хлопнуло? Может, мне подойти?

– Не ходи сюда, – орал Адылл раздражённо. – Спать иди Яша, спать.

Горохов сидит тихо, в тени дома его не разглядеть, а луч фонаря на него не светит. У него-то глаза к темноте привыкли, он всё видит и ждёт.

Он видит, что Адылл, стоя в дверях, держит не только фонарь. У него ещё и охотничий карабин, который снят с предохранителя.

– Ладно, – орёт мужик, теперь понятно, что он точно пьян. – Пойду.

– Иди, Яша.

А теперь главное, что бы этот вор не выстрелил. Нужно всё делать быстро и с первого раза. С первого раза, иначе поднимется шум. Он прекрасно видит руку Адылла, правую, что сжимает цевьё карабина. Она ему и нужна. Горохов быстро встаёт, делает шаг и с размаху обрезаем бьёт по большому пальцу руки, что сжимает цевью. Тяжёлые стволы обреза попадают как раз по пальцу.

– Ах, ты, – негромко вскрикнул Адылл.

Он не роняет, а бросает оружие на землю, этого Горохову было и нужно, пока дурак растерян и корчит гримасы от боли, геодезист локтем правой руки резко бьёт его в бороду.

В Горохове девяносто килограммов, в Адылле шестьдесят. Он роняет фонарик и, ударившись об косяк, влетает в дом.

– Адылл, – снова орёт пьяный, – чего там у тебя?

– Спать иди, Яша, – кричит ему Горохов, даже не пытаясь походить на Адылла. – Всё хорошо у меня.

Он поднимает с земли карабин, а фонарь пинает в дом ботинком. Входит, ставит карабин к стене, закрывает дверь и запирает засов.

– Ну, что... Вижу, вы мне не рады?

Мать Адылла замерла, её страшное, отёчное от пьянства лицо похоже на злую маску. Адылл оскалился, он всё ещё лежит на полу, его толстый, широкий нос разбит, но держится он не за лицо, держимся он за палец. Наверное, Горохов ему его сломал, но ему совсем не жаль того уroda.

– Ну, где моя кольчуга? – Он подходит к Адыллу и присаживается рядом на корточки.

Баба воеет, сидя на убогой кровати. Адылл поскуливает от боли, прижимая к груди руку. Но в его глазах страха нет, злость есть, а страха нет. Только вот одной злости мало, к злости надо силу иметь, а он её давно пропил. Но, кажется, придётся повозиться с ними.

Горохов знает, что делать, недаром он... геодезист.

– Мамаша, сейчас я поговорю с твоим сыном, если хочешь, чтобы наш разговор не заходил слишком далеко, ты вернёшь мне мою любимую, мою драгоценную кольчугу, поняла? – Про деньги он не заикался. Рано пока. Пусть они пока думают, что про деньги речи не зайдёт. Но как только вернут кольчугу, он сразу спросит и про денежки. Пусть думают, что отдадут кольчугу, и всё на этом закончится. Лишь бы они её не успели продать. Иначе ему будет очень жалко, а им очень больно.

– Ну, так скажешь, где кольчуга, Адылл?

Тот молчит.

– Мамаша, всё в твоих руках. – Говорит Горохов и наотмашь бьёт Адылла по лицу, не кулаком, ладонью.

Баба заверещала, словно это ей врезали. А Адылл даже не пикнул. Геодезист рывком укладывает вора на пол, ставит рядом с его головой башмак. Под каблук своего башмака загоняет ствол обреза, а сам обрез кладёт Адыллу на горло, начинает давить на конец оружия. Рычаг давит на горло вору. Глупость, конечно, он знает, что глупость, но на тех, кто на это смотрит со стороны, производит неизгладимое впечатление. Адылл попытался высвободиться, но Горохов придавил его коленом к полу. Не рыпается даже, вор. А сам смотрит на бабку:

– Мамаша, гортань хрустнет, и всё... Конец ему. Скажешь, где кольчуга?

Тут Адылл ещё и задыхаться стал. Снова попытался выкрутиться, ногами засучил, руками попытался стволы обреза с горла убрать, геодезисту пришлось отвернуться от старухи, чтобы придавить его посильнее.

Он от старухи отвернулся, но вовсе не терял её из вида. Он видел, как она делает быстрое движение. Так же быстро реагировал и он.

– Погоди-ка, старая, – Горохов делает к ней шаг и выхватывает у неё из рук двустволку, – не надо, не надо так... Ишь ты, проворная какая...

Держа двустволку одной рукой, он без размаха бьёт её прикладом в лицо. Даже не бьёт, так – тычет. Но приклад – вещь суровая, он рассекает бабке кожу на лице. Старуха, заливаясь кровью с воем и каким-то бульканьем валится в кровать, на вонючие одеяла.

Ему даже и смотреть не нужно, он и так знает, что сейчас делает Адылл. Горохов быстро разворачивается. Так и есть, эта сволочь вскочила и кинулась к винтовке, что геодезист поставил у двери. Вот с ним-то Горохов не церемонился, ударил знатно. Он по-прежнему держит ружьё одной рукой, но от этого Адыллу не легче. Он летит на пол с рассечённой щекой и сломанной скулой.

– Ну, попробовали? Не прокатило? – Говорит Горохов и швыряет двустволку на пол. – Больше не пытайтесь. Прощать больше не буду.

Глава 8

Он неплохо приложил Адылла, рана на лице глубокая, брызги крови разлетелись даже на стены, кровь и сейчас течет из раны. Но геодезиста это мало заботит, он, стараясь не пачкаться, переворачивает Адылла на спину, коленом становится на грудь и снова кладёт обрез ему на горло. Упирает его ствол в ботинок, рычаг готов. Тот кряхтит, но вырваться даже не пытается. Всё, сдулся. Горохов знает это состояние у людей, когда им становится всё равно, когда они больше не готовы упорствовать, не хотят сопротивляться.

– Ну, мамаша, скажешь, где моя кольчуга? Или мне придётся раздавить ему гортань? – Говорит он и чуть наваливается на обрез.

Адылл схватился за стволы обреза, но отодвинуть от горла, конечно, не мог. Засипел медленно, лежал, таращил на Горохова глаза.

– Стой ты, – истошно крикнула баба, – стой, убери от горла... Убери...

Она воеет, не закрывая рта, противно воеет и на вдохе, и на выдохе. Горохову хочется ещё раз дать ей прикладом в морду, чтобы она прекратила выть, но он терпит. Дело, кажется, заканчивается. Неловко переваливаясь, она встала с кровати, руками почти не помогая себе. А у неё руки... Пальцы все выкручены проказой, она старается ни к чему ими не прикасаться лишний раз. Тут Горохов понял, что они не пропойцы. Не пьяницы, как он думал поначалу. У сына и у матери выкручены пальцы, они узловаты, их лица отёчны из-за проказы, а не от вина. Просто проказа у них протекает немного не так, как у других. Нет бугров возле носа, нет наростов, губы ещё не распухли и не потеряли чётких контуров. Но вместо этого у них опухало всё лицо.

Баба дошла до стены, там пластиковый ящик с крышкой. Она сняла крышку и сразу достала лёгкую, почти белую, ткань. Кольчуга! Она! Ему повезло, что они её не продали, отдали бы за бесценок, скорее всего, тому же жуку-навознику Коле-оружейнику. А она стоит как половина мотоцикла.

– На! – Она кинула её на кривой стол, что стоял рядом со стеной.

Горохов сразу встал, убрал колено с груди Адылла. Подошел, взял со стола кольчугу. Она, она! Многие годы его хранила, ничего не весила, но столько раз спасала его от ран, что и не сосчитать. На ней даже кровь его вокруг дыр сохранилась чёрной засохшей грязью.

Он ничего не сказал, прошёл к ящику, возле которого стояла баба, и заглянул в него. Денег он мог у них не спрашивать. Среди всякого мусора и полезный мелочей он увидел то, что в этой лачуге не должно было быть. То, что этим людям совсем не по карману. Там лежали две красивые прозрачные баночки с белыми крышками на «винте». Он рассматривать их не стал, он сразу взял их и положил в карман. Деньги можно было уже с них не спрашивать, денег у них уже не было.

Баба, которая престала выть, завывала с новой силой. Заговорила что-то на своём языке, которого Горохов не понимал. Залопотала ему в спину зло, с укором. А Адылл так и продолжал лежать на полу, как будто всё происходящее его совсем не касалось.

Горохов отпер засов и вышел на улицу.

– Эй, мужик, а ты кто? – Окликнули его из темноты.

Горохов узнал пьяный голос:

– Яша, иди спать. – Ответил геодезист, не останавливаясь.

– А Адылл где?

– Спит уже Адылл, и ты иди, ночь на дворе.

– Ну, погодь... Ты кто такой, чего ты тут у нас... – Сказал Яша и пошёл к нему. – Стой, кому сказано?

Кажется, пьяный искал приключений. Горохов остановился, лучше остановиться, а то этот дурак ещё выстрелит в спину, может, он вооружён:

– Ну, чего тебе, Яша?

– Дай-ка взглянуть. Ты что, знаешь меня?

– Конечно, знаю, мы же с тобой пили недавно, я Андрей.

Мужик вышел из тени на свет. Ну, так и есть, он был при оружии.

– Какой ещё Андрей? – Яша подошёл ближе, чтобы разглядеть Горохова.

Дальше говорить смысла не было, Горохов сделал к нему шаг, на ходу взяв обрез подмышку, и коротко ударил в правый бок, чуть ниже рёбер.

Как подкошенный мужик рухнул на землю.

– Ух ты, – сипел он, – вон ты как.

Горохов снова взял обрез в правую руку и, поворачиваясь, чтобы уйти, сказал:

– Не вздумай тут заснуть. Проснешься – весь в клещах будешь. Упаришься выводить.

– Без тебя знаю, сволочь, – зло крикнул ему вслед Яша.

Ну, дело сделано. Денег он, конечно, не вернул, но кольчугу забрал. Это его порадовало. И забрал два дорогостоящих препарата. Он на всякий случай потрогал карман пыльника. Да, на месте. Он сразу узнал эти прозрачные баночки. Одна с белой наклейкой и с круглыми жёлтыми драже – это аскорбиновая кислота. А вторая баночка с жёлтой наклейкой и белыми таблетками – это драгоценный сульфадиметоксин. И то, и другое врачи рекомендуют при проказе. Не то, что бы это вылечивало, но говорят, что два этих препарата, если принимать их постоянно, останавливают развитие болезни.

Он отобрал лекарства у больных. Но его это совсем не заботило. Судя по рукам и пальцам Адылла и его мамыши, останавливать болезнь было уже поздно. Но не только поэтому ему было всё равно. Он давно, многие годы таскался по пустыне. И знал, что стоящих людей в степи совсем немного. И что, наберись они духу, они бы его вообще убили бы и закапали в ближайшем бархане. В ближайшем, потому что лень было бы тащить его до следующего. И через три месяца, когда бархан из-за ветра отполз бы в сторону, его высохшую мумию нашли бы случайно, Адылл и его мамаша удивлялись бы вместе с нашедшими. Нет, не жалко ему их было. Он о них и не думал больше, когда шёл к «Столовой», чтобы заплатить за койку и спокойно лечь спать.

Ночь, а на улицах люди. Как и везде, люди днём прятались от жары, а сейчас выходили, работали. Как и везде, в оазисах работали лавки. Он остановился у пекарни. Дверь открыта, на улицу выставлен хлеб на поддонах под марлей. Внутри горел свет, а у двери женщина скидывала вездесущих мотыльков с поддона с красивыми булками. У неё только что купили хлеб два мужичка, на вид работяги, и спрятали его в коробки.

Есть он не хотел, но булки были очень красивые. Жёлтые, сдобные.

– Копеечка всего, берите, не пожалеете, – говорила женщина, увидав, что он разглядывает её товар.

– Да, возьму, – сказал Горохов и достал копейку.

Женщина взяла деньги:

– Берите, какая приглянулась?

На большой скорости по улице, поднимая пыль, пронёсся грузовой квадроцикл, с песнями и музыкой пролетел. Пьяные люди с оружием болтались на кочках из стороны в сторону. Горохов, кусая тёплую и сладкую, жирную булку, проводил их взглядом, а женщина сказала, тоже глядя им вслед:

– Паскудники, управы на них нет.

– А кто это? – Поинтересовался геодезист.

– Да чёрт их знает, старатели какие-то. Или казаки. Бандиты, в общем. Либо медь где-то сыскали, либо ограбили кого, вот и пьют-гуляют теперь.

– А много здесь старателей? – Горохов достал флягу, запил вкусную булку.

– Пропасть сколько. Всё идут и идут. Все, кто в Пермь идут, все тут останавливаются. И все, кто живой из Перми выбрался с добычей, тоже тут гуляют.

Да, это так, Губаха – последний населённый пункт на пути к Перми, где можно отдохнуть, подлечиться, закупить снаряжения, провианта и патронов.

Дальше только по степи или по реке. Неизвестно, где страшнее. В степи дарги и всякая зараза вроде клещей, сколопендр и белых пауков. А по реке до Перми тоже непросто доехать. Бегемоты, ходуны, камыш, а говорят, ещё и кое-что похлеще стало попадаться. И ко всему этому везде на дороге есть ушлые ребята, желающие тебя с добычей встретить радушно. Но эта баба зря на добытчиков-промысловиков ругалась. Благодаря им такие городишки и жили. И жили припеваючи. Нет, конечно, тут добывалась вода для больших городов, тут росла полынь, которую так любили богатеи в больших городах, тут делался паштет из саранчи, который поедали бедняки в больших городах, и водилась вкусная птица дрофа для гурманов. Но значительную часть доходов в оазисы приносили мужики-старатели, что с плохим оружием и снаряжением, кровью и потом добывали из мёртвых гигантских городов, наполненных монстрами, медь, золото, свинец, алюминий и серебро. И всякое другое, что ещё могло хоть кому-то пригодиться.

Старатели, возвращаясь с добром, по сути, вырвавшись с юга живыми, начинали пропивать добытое прямо тут, на чём местные дельцы-барыги делали хорошие деньги. Людишки пропивали тут всё, а на оставшиеся деньги покупали снарягу и снова собирались в дорогу. Снова на юг, в Пермь. Пошумят-пошумят, попьанствуют мужички и уйдут на юг, откуда вернутся с новым добытком. Ну, или сгинут там навсегда. Горохов отлично знал таких людей и отлично знал, как им даются эти пьянки. Он их не осуждал.

– А вы не скажете, – он достал из внутреннего кармана старый платок и протёр им жирные после булки пальцы, – не скажете, кому я бы мог продать медикаменты?

– Медикаменты? – Женщина смотрела на его платок. – Может, и я куплю. Чем вы торгуете?

Горохов достал первую попавшуюся под руку банку, это был сульфадиметоксин, и показал ей.

– Ой, нет, на это у меня денег нет. – Она потрясла головой.

Горохов подумал, что она врёт, да, антибиотик стоит немало, но у такой опрятной женщины с хорошим домом и с чистым лицом без проказы деньги есть. Уж полтора рубля нашла бы, просто она боится, что незнакомец продаст ей подделку. Горохов не настаивает. Прячет банку в карман.

– Ну, а кто может это купить?

– Доктор Рахим. Да, он купит сразу. – Говорит женщина довольная, что он её не уговаривает. – Или Валера.

– Валера Генетик?

– Да, да, знаете его?

– Знаю. Он меня уже лечил.

– Вот он может. Но у него с деньгами всегда плохо, а вот доктор Рахим купит, этот вечно при деньгах, богатей наш.

– Только эти двое? Понятно. – Горохов кивнул.

Он хотел уже прощаться, но женщина тут добавила:

– Ну, или Люська-проказа, но она вам хорошую цену не даст.

– Что? Кто? Какая Люська? Не та ли, что в банке работает?

– Она, она. Знаете её?

– Был в банке сегодня. Видел. Так она тоже может купить? Она что, покупает медикаменты?

– Она всё покупает, – женщина сделала многозначительную мину на лице, – и всё продаёт.

– А почему вы её проказой называли?

– Так она проказа и есть, мошенница и воровка. Краденое покупает. Да и шалава, наверное. То с одним поживет, то с другим. Прыгает из одной койки в другую, всё не пристроится никак, всё побогаче выбирает.

«Вот оно как. Значит, она не просто сотрудница банка Людмила, значит, она Люська-проказа, скупает всё, что выгодно, даже если оно и краденное».

Впрочем, верить всякой бабе, которая поносит другую бабу – дело неразумное. Геодезист давно уже не верил никому просто так. И поэтому с Людмилой из банка он захотел встретиться, поговорить. Может, и разговор сложится. Может, что интересное получится.

Горохов попрощался с торговкой булками и пошёл дальше по улице. А мимо опять проехал грузовичок, поднимая пыль. Где-то в переулке открыта дверь: свет, играет музыка, говор.

Пьяно смеются весёлые женщины. Пара мужиков грузят в квадроцикл сети для саранчи, хотя уже поздновато – сети ставят в сумерках, пока солнце не зашло. Впрочем, в каждом оазисе свои правила лова саранчи.

Где-то вдалеке хлопнул пистолетный выстрел. Горохов остановился. Стал поближе к стене дома, мимо которого шёл. Подождал. Нет, больше не стреляли. Да, город жил именно ночью.

Он подумал, что лучше ему поспешить найти ночлег. Ему вовсе не хотелось попасть под глупый шальняк в ночных разборках пьяных старателей с бандитами.

Пьяная бабёнка так забавно ругалась с каким-то мужиком, что Горохов увлёкся перипетиями беседы и чуть не проскочил мимо. В темноте дома мало отличимы, а никакого огня около «Столовой» не было. Хорошо, что это здание тут самое большое и у него есть окно – настоящее окно со стёклами, выходящее прямо на улицу, а не куда-нибудь во двор.

Горохов подошёл к двери и, взявшись за ручку, потянул к себе. Нет. Попробовал ещё раз, вложив силу. Глупо. С первого раза было понятно, что дверь заперта. Она ещё и хорошо уплотнена от жары и пыли, она не сдвинулась и на полмиллиметра от его усилий.

Он попробовал стучать. Сначала костяшками пальцев в лист железа, но сам едва слышал свой стук. Он постучал стволом обреза – даже так не вышло хорошего звука. Дверь уплотнена, там внутри и вовсе никто бы не услышал. Тогда он подошёл к окну и хотел заглянуть внутрь, прежде чем стучать в стекло.

Приложил руку к стеклу, чтобы свет от лампы на соседнем доме не мешал, и вплотную приблизил лицо к стеклу.

Он приблизил лицо к стеклу, носом его коснулся... и замер. Нет, он не разглядывал что-то в темном помещении, он замер от неожиданности и даже, кажется, испуга...

Давным-давно ночью в степи он видел, как в темноте красным отблеском отсвечивают круглые глаза дроф. Птичьи глаза казались яркими красными кружками на фоне черноты. Он испытывал весьма неприятное чувство, когда в кромешной ночной мгле вспыхивал такой ровный, круглый огонёк. Горохов тогда был ещё молод, неопытен и брался за оружие без разговоров. Он тогда ещё не знал, что так «бликуют» глаза многих животных в темноте.

Вот и сейчас он увидал точно такое же, только глаза были совсем не круглые. За стеклом окна глаза были вполне себе человеческие. И «бликовали» в них только зрачки, но были они не красные, как у дроф, а белые, как у... Да ни у кого он такого не видел за всю свою жизнь. Глаза смотрели на него белые, вернее, светло-светло серые. Яркие, чёткие, а над ними лоб нависает тяжёлый, эти ужасные глаза смотрят из глубины черепа, не отрываясь и не мигая. Их он хорошо

разглядел. Запомнил их. А нижняя часть лица тёмная совсем, черт не различить, размыта она, словно подбородок чем-то изъеден. Губ почти не видно, они просто черны и, кажется... что-то говорят ему. Конечно, он не слышит через стекло. Но по неуволимому движению нижней челюсти, по меняющимся очертаниям щёк он разобрал то, что эти губы ему говорили. Это нечеловеческое лицо сказало ему всего одно слово:

«Уходи».

Горохов был не из тех, кому нужно что-то повторять дважды. Правильно он разобрал слово или неправильно – он выяснять не собирался. Может, и вообще ему никто и ничего не говорил. Нет, нет. Он точно выяснять не будет. Он отпрянул от стекла, развернулся и пошёл прочь отсюда.

К дьяволу всё это. Он подумал, что попросится на ночь к Валере. Да, это был ещё тот тип, тоже, мягко говоря, необычный, но лучше с ним, в его грязной хибаре, чем... Чем вот с таким вот, что он только что видел. Да, он готов был слушать заикание Валеры хоть до утра, а заодно отдать ему медикаменты в погашение долга.

Это решение ему показалось самым здравым на тот момент.

Ещё не дойдя до дома Генетика Валеры, Горохов понял, что там что-то происходит. Дверь дома хлопала, там кто-то суеился, разговаривал озабоченно. Говорящих было несколько. Геодезист даже хотел постоять и присмотреться, понять, что происходит, но из разговоров понял, что кто-то истекает кровью, и пошёл поглядеть на происходящее.

Он приблизительно предполагал, что это вообще было, и не ошибся.

Помимо Валеры там было три человека. Промысловики. Двое из них ранены. Один из них лежал на полу почти без сознания, его быстро раздевал Генетик и ещё один мужик, тряпки у него все пропитаны кровью, видно, хорошо его достали. Валера уже держал наготове шприц. Ещё один сидел на табурете рядом. Левая рука в крови, но не забинтована даже. Он её прижал к груди, пытаясь передавить вены, чтобы кровь не шла, но кровь всё равно капала с пальцев и стекала по руке в края пыльника. На коленях боевая винтовка. Как только Горохов появился в дверях, так он схватил винтовку, направил её на геодезиста. И винтовочка не на предохранителе.

– Тихо, брат, тихо, – Горохов поднял обрез к потолку. – Я к Валере. Видишь, у меня рука... Я тоже был ранен. Я у него спросить хотел.

А палец-то у мужичка на спусковом крючке. Очень неприятное дело, учитывая, что в воздухе помимо запаха крови витает острый запах спиртного.

– Андрей Николаевич, – Валера встал, от волнения даже не заикается, – я сейчас очень занят. У человека тяжёлые ранения. Очень тяжёлые.

– Всё понял, ухожу, завтра зайду, хочу поговорить насчёт руки и насчёт долга, – говорит Горохов. – А вам, мужики, пережить эту ночь.

– Да-да, завтра, Андрей Николаевич, завтра заходите. Мужики ему ничего не ответили, им было не до того.

Он вышел из убогого домишки Генетика на ночную улицу. Посмотрел на часы. О! Уже час ночи.

Симпатичная бабёнка из банка сказала, что в четыре утра от управы городского головы к буровым уходит машина. Три часа осталось. Не так уж и много. Он идёт по улице, смотрит по сторонам. Везде люди, кто-то работает, кто-то веселится. Главное – не попасть в разборки. Он старательно обходит всех, кто, как ему кажется, может представлять опасность. И вскоре добирается до управы. Её ни с чем не перепутаешь, на ней есть вывеска. А ещё тут нет развлекательных заведений и магазинов, тут почти нет людей, вокруг тихо. Он заходит за угол и садится у стены. Душно, но он застёгивает пыльник на все пуговицы, закутывается. Лучше

помучаться от жары, чем от клеща. А в том, что они тут есть, геодезист не сомневается. До четырёх почти два с половиной часа, можно и поспать.

Где-то один за другим хлопают два ружейных выстрела. Заголосила женщина, но это далеко. Весёлый городок Губаха, что ни говори. Его обрез под рукой. Он закрывает глаза.

Прямо над ним табличка:

«Компания Буровые Савинова. Транспорт в 4:00».

Глава 9

Должность Геннадия Сергеевича Севастьянова – начальник экспедиции, он в кампании «Буровые Савинова» на этом участке самый главный. Судя по кабинету, по столу и креслу, человек этот очень важный. Он смотрел на Горохова и молчал, уже по лицу видно, что «начэксп» – человек неприятный. Лицо у него больше пьющего человека, чем страдающего проказой. Уж на антибиотики и витамины начальник экспедиции точно заработает. Но в кабинете и намёка на запах спиртного нет. Да, неприятный тип, жёсткий и холодный, но другие начальниками экспедиций не становятся. Когда у тебя в подчинении сотня людей и имущества на миллионы, когда вокруг тебя поганая степь с дикарями-людоедами и прочей дрянью, а ты ещё отвечаешь перед заказчиками и акционерами, хорошим человеком быть очень трудно. Вернее, хорошему человеку стать начальником экспедиции практически невозможно.

– Геодезисты мне сейчас не нужны. Карта уже готова. Участки давно выбраны. Капай песок – качай воду. – Он помолчал, рассматривая Горохова. – На буровую пойдёте?

– Начальником буровой? – Горохов, кажется, уже согласен и на буровую.

– Мастером. Сначала мастером. Зарекомендуете себя – назначу начальником смены. Вакансия есть.

Горохов молчит, по нему видно, что это совсем не то, на что он рассчитывал.

– Другой работы вам сейчас предложить не могу. У меня среди своих людей есть желающие занять эту должность. – Твёрдо говорит Севастьянов. Горохов не удивился бы, ели бы он добавил: «Не нравится – катись отсюда».

Входит секретарша. Тёмные волосы зализаны, ни одного волоска не торчит. Накрашенные губы, покрашенные ногти. Зад у неё роскошный, ноги... Горохов смотрит на её ноги. Она носит юбку до колен. Надо же, тут, на краю карты, есть женщины, которые носят юбки.

– Спасибо, Альбина. – Говорит хозяин кабинета, ворочаясь в баснословно дорогом массажном кресле.

Красивая женщина ставит перед Севастьяновым чашку. По запаху догадаться не трудно – кофе. Ну, начальник экспедиции может себе позволить. А вот для Горохова кофе нет. Горохову кофе Альбина не принесла. И чай не принесла, воду тоже. Ну, понятно, это чтобы он знал своё место.

– Так идёте мастером? – Спрашивает Севастьянов, беря чашку.

– На какую вышку?

– На «девятку». Работали на такой? – Начальник экспедиции отпивает из чашки, он даже не смотрит на Горохова. Ему, кажется, всё равно, что тот делает.

– «Девятку» все знают. Работал на ней. – Говорит геодезист. – Правда, почти всегда начальником, а не мастером.

– А что у вас с рукой? – Лениво спрашивает Севастьянов.

– Зацепили дарги по дороге сюда.

Севастьянов смотрит на него внимательно. Не поймешь, верит или нет. Нет, больше на эту тему он не говорит. Он наслаждается кофе и креслом, покачивается в нём.

– А еще на каких вышках работали? – Спрашивает «начэксп» теперь, не отрывая глаз от геодезиста.

– На «двойке» и на ТВСе.

Вот это, кажется, заинтересовало начальника, ТВСы – агрегаты сложные, это машины для глубокого бурения:

– И где же вы бурили, используя ТВС?

– На западе, за рекой, – говорит Горохов.

Геодезист думал, что Севастьянов сейчас начнёт его расспрашивать про работу на том берегу, в тех страшных местах, но Севастьянов снова отпивает кофе и ставит чашку на стол:

– ТВСов у меня для вас нет, начнёте с должности мастера на «девятке». Согласны?

– Ну, у меня выхода другого нет. Вот только мастером с моей рукой... – говорит Горохов с сомнением.

– Мы начинаем демонтаж четвёртой вышки через девять дней, хочу, чтобы вы уже были готовы к тому времени. – Теперь Севастьянов говорит как начальник, ему уже плевать на мнение и здоровье Горохова. – Получите бригаду и начнёте демонтаж, начальник участка введёт вас в курс дел.

Горохов соглашается. Он кивает.

– Альбина, – говорит Севастьянов в коммутатор, – подготовь стандартный контракт. Господин Андрей Николаевич Горохов идёт на должность мастера на четвёртую вышку.

Начальник экспедиции Севастьянов кидает удостоверение геодезиста на стол и откидывается в кресло, берёт чашку с кофе. Всё, разговор закончен.

Но Горохов не уходит, он прячет своё удостоверение в карман и стоит у стола. Севастьянов ждёт, что будет дальше, и геодезист говорит ему:

– У меня тут возникала проблемка...

– Аванса не будет, – сразу прервал его Севастьянов.

Эта тема сразу закрывается. Тут не сорвёшься.

Да, было бы странно, если бы «начэксп» сказал ему сейчас что-нибудь другое. Горохов лезет в карман пыльника, кроме гранаты там две пластиковых баночки, у одной из них рифлёная крышечка. Именно её он и достаёт. Привстаёт и ставит на стол перед Севастьяновым эту банку:

– Мне пришлось бросить в песках мотоцикл, когда меня ранили. Думаю, что он ещё там. Дарги содрали с него всё что можно, но пользоваться мотоциклами они ещё, слава Богу, не умеют. В общем, мне нужен транспорт, чтобы съездить туда и забрать его.

Севастьянов берет баночку, крутит крышку:

– Она уже открыта?

– Там не хватает всего несколько штук. – Горохов знает, что всё равно начальник её возьмёт, сульфадиметоксин в этой дыре всем необходим, иначе рожа скоро начнёт покрываться буграми. – А ещё мне нужен человек, – Горохов показывает на свою левую руку. – Сам я не управлюсь.

«Начэксп» потряс банку, послушал, как гремят в ней таблетки, затем открыл стол и небрежно кинул в него лекарство. А оттуда достал рацию, включил её:

– Бабкин, приём.

– Да, Геннадий Сергеевич. – Донеслось через секунду из рации.

– Сейчас к тебе придёт новый наш мастер...

Он указывает пальцем на Горохова, пытаясь вспомнить, уже забыл его имя, Горохов догадывается:

– Горохов.

– Горохов. Дашь ему грузовик и кого-нибудь в помощь. Проконтролируй, что бы до ночи всё вернул, если не вернет, доложишь мне.

– Понял, Геннадий Сергеевич.

Банка сульфадиметоксина в Соликамске стоит рубля полтора, а тут... может, в два раза больше. Но ему не жалко. Главное теперь – найти мотоцикл. Он попрощался с начальником и пошёл из прохладного кабинета.

А дело у Севастьянова было поставлено грамотно. Горохов только выходил из его кабинета, а у красивой секретарши Альбины был уже его контракт на руках.

Ему только подписаться оставалось. А Альбина и вправду была очень приятной женщиной. Корректная, вежливая и, кажется, умная. Всё объяснила, хотя этот контракт был стандартным, во всех экспедициях он одинаковый.

Да, всё тут было чётко. Бабкин встретил его, поздоровался за руку, мужичок был толстый, с пузом. Загадка, однако. Сколько нужно есть, чтобы в такой жаре иметь лишний вес. Тут, на юге, толстяки – это редкость.

– Вам какой грузовик нужен?

– Полутонник, мне мотоцикл забрать, я его в песках бросил, когда меня ранили. Желательно с манипулятором.

– Вам мотоцикл погрузить и привезти?

– Да. – Кивнул Горохов.

– Хорошо, дам вам «квадру» с кузовом, вон они, берите серый. – Бабкин указал на стоящие под навесом электрические квадроциклы.

Этот болван, кажется, не понял Горохова. Ну, допустим, в кузов квадроцикла мотоцикл влезет, но он весит двести кило, как Горохов его туда без манипулятора закинет?

А толстый Бабкин сразу понял взгляд геодезиста. Он усмехнулся и сказал:

– Да вы не волнуйтесь, всё будет в норме, сейчас всё решим...

Он быстро пошёл вдоль ангаров и остановился у одной двери, отворил её и крикнул в темноту:

– Тридцатый, на работу!

Повторять ему не пришлось. Тут же в проёме появился почти голый двухметровый великан. Горохов рот раскрыл. Это был точно такой же бот, какого геодезист видел вчера, когда он убирал улицу с огромной лопатой.

– Тридцатый, сегодня твой бригадир... – Бабкин указал на Горохова, когда пятнистый силач подошёл к ним.

– Горохов, – сказал геодезист.

– Твой бригадир Горохов. До ужина работаешь с ним.

– Да, он мой бригадир... – Послушно сказал великан.

– Выполняешь его распоряжения. А как начнёт темнеть, прекращаешь работу и идёшь на базу.

– Директива принята к исполнению.

– Всё, лезь в кузов. Поедешь сейчас в пустыню с бригадиром.

Горохов стоял немного растерянный. Он не был готов к такому.

– Да вы не волнуйтесь, он ваш мотоцикл уложит в кузов, – продолжал Бабкин и опять усмехался, видя его растерянность, – они ребята крепкие.

– Да, но я не знаю, как им... Руководить.

– Руководить ими просто. Простые директивы: копай, неси, поднимай, таскай это, клади сюда... Ничего сложного, главное – не задавать им сложных алгоритмов, иначе они начинают путаться.

– Понял. Не задавать ему сложных алгоритмов.

– Эй, тридцатый, не в тот кузов... Вылези, – тут же кричал Бабкин, – видите, им всё нужно указывать точно.

– А вода, еда... Кормить его надо?

– Нет, ничего не давайте, он выпил положенные ему шесть литров воды, до вечера ему хватит, корма тоже. Просто пусть работает. Кстати, он может работать на самом пекле, с ним ничего не будет.

– Отлично, – Горохов смотрит, как здоровяк лезет в кузов квадроцикла. – То есть людей скоро на буровых не останется.

Бабкин тут стал серьёзен, теперь он говорит уже без своей этой усмешки:

– Инженерные должности и должности ИТР, кажется, ещё побудут, а с рабочими... Ну, наверное...

– То есть, с мозгами у них пока не очень?

– Пока... Пока да... – Говорит Бабкин. – Но они каждый год новые, улучшенные появляются.

– Каждый год? – Удивляется Геодезист.

– Ну да, это уже третье поколение.

– А на севере о них ничего не знают. Только слухи ходят.

– Тут, на юге, считают, что пока северу об этом знать не следует. – Всё ещё невесело говорит Бабкин.

– Вот как, и кто же так считает? – Интересуется Горохов как бы между прочим. Он достаёт сигареты, предлагает одну Бабкину.

Бабкин вдруг замолчал, посмотрел на Горохова странно и, кажется, продолжать разговор ему совсем не хотелось. Сигарету не стал брать.

– А если я захочу такого приобрести, к кому мне обратиться? – Продолжает геодезист, закуривая.

– Я не знаю... – Сразу заявляет Бабкин. – У нас такими делами руководство занимается. Я только выдаю, я кладовщик.

– Да? Ну, спасибо, – Горохов жмёт ему руку и идёт к выделенной ему машине, в кузове которой уже расположился великан.

Он садится в седло квадроцикла, включает питание. Машина нестарая, всё, вроде, работает, даже рация на нём есть, сразу нашла волну сама. Аккумулятор «под завязку». У него одна рука, но и одной рукой он с управлением справится. Справа от руля удобный чехол, туда как раз и поместился обрез.

Шесть часов утра. На улице ещё прохладно, тридцать три всего. За спиной вцепился в борта кузова здоровенный, почти голый пятнистый детина с маленькой безволосой головой. Прекрасно. Осталось купить воды, тогда можно ехать.

Он поднял руку в знак прощания Бабкину, который всё ещё смотрел на него, и выехал с территории склада. Поехал в Губаху.

Глава 10

Нужно было купить воды, а может, и поесть. Есть он не хотел, но может так выйти, что поесть придётся.

У одной из лавок он остановился. Прежде, чем принять решение, ему нужно было осмотреть свой новый транспорт. Он присел около него, стал рассматривать проводку. Нет, халявы не будет. В компании, видно, тоже не дураки. Квадроцикл на электронной блокировке. Можно, конечно, залезть в коробку, но где гарантия, что, как только ты не откроешь её, тут же не появятся парни из службы охраны экспедиции. Или просто крепкие ребята из людей пристава. В общем, на этом квадроцикле далеко от Губахи не отъехать. Нет, это было бы слишком просто.

Горохов встаёт и взглядом встречается с Тридцатым. Тот смотрит на него.

– Я купить воды, – говорит геодезист Тридцатому.

– Вода – пить. – Сразу отзывается тот.

– Любишь воду?

– Вода – пить. – Тридцатый смотрит на него своими маленьким глазами.

«Да, на даргов совсем ты не похож, только кожа такая же. У них бороды густые, волосы закрывают голову, а у этого десять волосин. Как он на жаре не теряет сознания от перегрева? Непонятно».

– А Бабкин сказал тебе воды не давать.

– Вода – пить...

– Да ты, дружок, балагур, с тобой в дороге не соскучишься.

Горохов пошёл к лавке, там прохладно, там заправляет мальчишка лет двенадцати:

– Вы, дядя, воды хотите или поесть?

– А что у тебя есть из еды?

– Паштет и хлеб, квашеный лук, попкорн и горох в рассоле. А вода у нас холодная. Лучшие цены в городе.

Бедняцкая еда. Видно, тут затовариваются работяги, когда едут на буровые.

– А из саранчи-то хоть головы убрали?

– Убрали, дядя, всё оторвали: и головы, и ноги, и крылья. Хороший паштет, сами такой едим, – говорит пацан.

Он, скорее всего, врёт, но Горохов соглашается:

– Порцию паштета, хлеб, попкорн и воду, два литра.

– Воду холодную?

– Самую холодную.

Мальчишка всё делает быстро, быстро кладёт на прилавок еду, завернутую в солому из пустынной колючки, ставит сразу запотевшую баклажку с водой:

– С вас восемь копеек. И баклажку не забирайте.

Горохов отсчитывает деньги, потом решает, что даст пацану гривенник:

– Сдачу себе оставь.

– Себе? – Не верит пацан. – Мне? Честно?

– Честно. – Говорит Горохов. – А ты видал, кто у меня в кузове сидит?

– Ну, видал, – говорит мальчишка, которого больше интересует сдача. Он даже не взглянул в окно. – Бот там у вас.

Ну, для него это, видимо, обычное дело.

– Их тут прорва, – продолжает пацан, спрятав деньги. Видно, с родителями заработанным он делиться не собирался.

– Прямо прорва?

– Да их на буровых тысячи работает, старых и новых моделей, и у городского головы они тоже имеются, – продолжает мальчишка.

– А у тебя нет случайно? – Горохов улыбается.

Мальчишка смеётся:

– Откуда у меня, они дорогие.

– Дорогие? И сколько стоят?

– Старая модель стоила восемьдесят, ну, я так слышал, а новые, как у вас, и того дороже.

– Да, дороговато. И кто же их продаёт?

– Да все.

– Ну, кто все-то? Назови хоть одного.

– А вы что, купить думаете?

– Ну, может быть. Штука-то неплохая. Вот ищу, у кого купить.

– Ну, доктор Рахим продаёт.

– Доктор Рахим один? Ты же говорил, что все их продают.

– Ну, Ахмед ещё, – говорит мальчишка, но уже как-то нехотя.

– А ещё кто?

– Ну, Валера Генетик. – Парню, кажется, этот разговор не нравится, каждый ответ нужно клещами тянуть.

– Валера Генетик продаёт ботов? – Удивляется Горохов.

Тут пацан и вовсе замолчал. Стоит и думает, глядя на геодезиста, что не нужно было незнакомцу всё это рассказывать.

– Да ты не волнуйся, – говорит ему Горохов, улыбаясь, – я о нашем разговоре никому ни слова...

Он переливает воду к себе во флягу, а ту, что не влезла, медленно выпивает. Вода холодная, такую сразу залпом не выпьешь. Зато она прекрасно охлаждает. Мальчика молча ждёт, пока Горохов закончит. Когда тот забирает еду, он радуется, что незнакомец уже уходит.

А бот так и сидит в кузове. Таращится на стену магазинчика.

– Ну, что, поехали? – Спрашивает его геодезист, усаживаясь на водительское кресло.

Бот даже не соизволил взглянуть на своего бригадира.

– Да, уж... Ты, брат, не из тех болтунов, что изводят людей в дороге своими длинными рассказами. – Сказал Горохов и включил питание.

Тридцатый опять ему ничего не ответил. Сидел в кузове и держался за борт. Так они и поехали. Горохов натянул респиратор и очки. Пыль, поднимаемая ветром с барханов и вездесущая песчаная тля, летели им навстречу, но Тридцатому было всё равно. Горохов обернулся, чтобы взглянуть на него. Нет, ни тля, ни пыль ему не мешали. Он сидел в кузове, всё также крепко вцепившись в борт.

Барханы на месте не стоят. Они словно волны катятся туда, куда их гонит ветер. Только медленно. За неделю местность в степи изменяется до неузнаваемости. Но Горохов, почти всю свою жизнь проведя в пустыне, знал, как искать там что-либо. Большая двадцатиметровая дюна, с которой в него стреляли, послужила ему ориентиром, всё остальное – глазомер и чёткое позиционирование по солнцу. Он остановил квадроцикл задолго до нужного места.

– Ну, где-то тут. – Сказал он Тридцатому, оглядываясь по сторонам.

– Копать, – ответил тот.

– Копать-копать, только нужно сначала найти место поточнее.

Буранов, кажется, не было, рисунок барханов изменился, но несильно. Где-то тут ему пришлось бросить сумку. Но её он отыскать и не думал, её точно дарги забрали, слишком много там было ценного, даже не считая денег.

Его беспокоила одна вещь. Он прошёл пару шагов, лёг на склон бархана, стал всматриваться в огромную кучу песка, что возвышалась на западе. Он боялся, что дарги опять сидят на этой дюне. С неё простреливалась вся местность вокруг, и ему очень не хотелось бы получить ещё одну пулю с того же места. Нужно было быть осторожным.

– Эй, Тридцатый, иди сюда, – позвал он бота.

Тот, вылез из кузова и, не пригибаясь, приблизился к нему. Если на дюне кто-то сидит, то он обязательно увидит его голову, этот гигант был ростом выше бархана, на котором лежал Горохов.

Но геодезиста это не волновало. Мало того, ему было интересно, что будет, если Тридцатый получит пулю.

– Иди туда, – сказал он ему, указывая на дорогу вдоль бархана.

Так его точно будет видно, если кто-то есть на дюне, неминуемо здоровяка заметят.

– Копать песок? – Спросил тот.

– Копать песок.

– Лопата...

– Нет лопаты, мы не взяли лопату, руками копай.

– Руками. – Тридцатый показал свои огромные руки.

– Руками.

– Там? – Тридцатый указал на северный конец бархана.

По прикидкам Горохова мотоцикл должен был быть там под песком.

– Да, там. Иди, копай, ищи вещь.

Бот и пошёл.

Как он может босыми ногами ходить по этому раскалённому песку – не понятно. Горохов помнил, что бывали случаи, когда даже через толстую подошву ботинок степной жар доставал его. Ботинки коробились и скукоживались от раскалённого песка за год, а этому и ботинок не нужно. Как так?

Тридцатый дошёл до середины бархана.

– Стой! – крикнул Горохов, – тут копай.

– Тут? – Указал бот рукой на склон бархана.

– Тут.

Он сел на колени и стал двумя руками откидывать песок. Вправо-влево, вправо-влево. Какая ещё лопата, ему она ни к чему. Полминуты и он разбросал «половину бархана».

– Стой, не копай! – кричит Горохов, – иди дальше.

– Иди дальше... – Тридцатый остановился.

– Да, иди дальше, туда! – Геодезист машет рукой.

Бот встает, идёт дальше на север вдоль бархана.

– Стой, там копай!

– Там копай...

– Да, копай!

Бот снова принялся раскидывать кучи песка по сторонам, а Горохов на всякий случай чуть приподнялся, чтобы выглянуть из-за бархана, взглянуть, как там дела на той стороне. Нет, всё спокойно, на дюне никакого движения. И тут бот ему кричит:

– Вещь!

Горохов скатывается со склона бархана и, чуть согнувшись, чтобы голову не было видно с дюны, спешит к нему.

Так и есть, это его мотоцикл.

– Выкапывай.

Бот быстро выкапывает машину из песка. Да, дарги содрали с него всё, что можно. Ни аккумулятора, ни стартера, ни проводки – всё вырвано, а ещё они срезали все покрышки.

– Сможешь его поднять?

– Поднять...

– Да поднять, и отнести к квадроциклу.

– Поднять – нести.

– Да. Бери его и неси, или подогнать сюда квадроцикл? – Говорит Горохов, но как раз сюда ему выезжать не хотелось бы, тут он будет хорошей мишенью.

– Поднять – нести. – Говорит Тридцатый и, вытянув мотоцикл из песка, берёт его своими огромными ручищами за раму. – Нести...

И поднимает. Взял он его неудачно, центр тяжести оказался выше нужного, и когда бот поднял его, то сам едва не упал, но устоял.

«Твою маму, эта железяка двести кило как минимум весит», – Восхитился Горохов, когда бот встал в полный рост.

– Нести... – Сказал Тридцатый.

Никакого звука геодезист не услышал, просто из могучей мышцы, между шеей и правой ключицей великана вылетел фонтанчик крови. И тут же большой, в метр высотой, фонтан из песка взвился у противоположного бархана.

– Бегом! – Крикнул Горохов боту, прижимаясь к песку бархана и взводя курки на обрезе. – Бегом беги, туда, к квадроциклу!

Но бот, видно, не понимал его. Он не спеша развернулся и понёс мотоцикл в нужном направлении.

– Быстро иди! – кричал Горохов.

Он уже доставал флягу, снимал с неё кожух, лез в тайник и доставал оттуда патроны для револьвера. Обрезом могло дело не закончиться.

Быстрыми привычными движениями он снаряжал оружие, загоняя в барабан патрон за патроном, а сам смотрел на Тридцатого и кричал ему:

– Быстрее иди, быстрее!

– Иди – быстро... – Отзывался бот и вправду прибавил шага.

Выстрелов больше не последовало. Видно, он вышел из зоны поражения.

Тогда Горохов встал и, согнувшись, поспешил за ним, то и дело оглядываясь.

Они доехали до города, и на въезде геодезист остановил квадроцикл, слез с него. Мотоцикл и бот были в кузове, всё закончилось почти хорошо. Он достал флягу и выпил воды.

– Вода, – сказал он, показывая флягу боту.

– Вода – пить, – сразу ответил тот.

Но даже руку за флягой не протянул.

– Пей. – Горохов сунул ему флягу.

– Вода – пить, – обрадовался тот и схватил флягу как-то по-детски, двумя своими огромными руками, стал пить, не проливая ни капли мимо.

Пока он пил, геодезист оглядел его рану, думал, может, боту понадобится помощь. Нет, не понадобится. Пыль налетела на рану, и она тут же запеклась. Просто грязная болячка, и всё. Ну, если только антибиотики ему понадобятся. И то вряд ли.

Пока бот допивал воду, Горохов снова разрядил револьвер. Забрав у Тридцатого флягу, он спрятал патроны обратно в тайник. Бот сидел в кузове и глядел на ближайший дом.

– Тридцатый.

– Тридцатый – работать. – Откликнулся тот.

– Работать... Да.

– Тридцатый – работать. – Повторил бот.

– А где твои мама и папа, Тридцатый? – Горохов встал рядом с ним и пытался заглянуть ему в глаза.

– Тридцатый – работать.

– А откуда ты взялся?
– Тридцатый – работать.
– Это слишком сложные для тебя вопросы, да?
– Тридцатый – работать.
– Ладно, поехали, я тебя верну, но сначала мне нужно найти мастерскую, где мне отремонтируют мой транспорт.

Первый раз бот взглянул на него сам, да ещё и сказал при этом:

– Вода – пить.

Горохов расценил это как проявление благодарности и с улыбкой сел за руль.

Глава 11

– Ну, оставьте, посмотрю, – сказал мастер, заглянув в кузов квадроцикла. – У меня времени лишнего нет, да и детали к вашей машине нужно поискать.

Звали его Володя. На его дворе стояло несколько квадроциклов вододобывающей компании, видимо, у него и без Горохова работы хватало. Его ещё приходилось уговаривать.

– Детали нужно будет поискать, а вот шины, – Володя покачал головой, – шины придётся заказывать, таких размеров у нас не найти. Я пошлю человека в Углеуральский, там мой товарищ делает любые шины на заказ недорого. А кто это его так раздел?

Горохов, чуть подумав, решил не отвечать на этот вопрос и спросил в свою очередь:

– А сколько времени нужно, чтобы сделать шины и починить его?

– Починю за полдня, но, чтобы начать, мне нужно купить запчасти и шины, за шинами съездить – еще полдня, пошлю своего парня, он привезёт, но я начну, когда получу аванс, – он поглядел на Горохова и развёл руки, – сами понимаете.

Горохов понимал, понимал, что работа хлопотная, что Володе она особо не нужна и сейчас мастер начнёт выжимать из него деньги. Он спросил:

– Сколько нужно денег?

– Два рубля, – выпалил слесарь.

Может, слесарь думал, что он откажется, сумма явно была завышена, но геодезист кивнул, да, так всё и вышло, как он предполагал. Но у него не было иного выхода, искать другую мастерскую ему не хотелось:

– Тридцатый, выгружай.

– Тридцатый – работать.

Он и слесарь смотрели, как этот бугай вытаскивает мотоцикл из кузова. Тридцатый всё делал хорошо, аккуратно, словно понимал, что может повредить и кузов, и мотоцикл, если будет неосторожен.

– Пусть пока тут постоит, – сказал Горохов, садясь на водительское сидение, – я найду деньги.

– Ну, пусть постоит, – согласился слесарь.

Он ехал к складам компании, чтобы отдать квадроцикл и Тридцатого. Десять утра, началась жара. Люди ещё на улице попадались, но, кажется, они заканчивали свои дела.

«Я найду деньги». Проще сказать, чем найти. В кармане у него был пузырёк с аскорбиновой кислотой. Витамины стоили дорого, но никак не два рубля. Рубля полтора он за них выручит, но не больше. Этого не хватит на ремонт, а ещё погасить долг перед Валерой Генетиком необходимо. В общем, деньги нужно было искать. И у него была одна мысль.

Бабкин сразу осмотрел машину, а бота осматривать не стал. Что с ним станется?

Так и остался Тридцатый с ссадиной на плече.

Обратно от складов до города пришлось идти пешком. Почти час шёл. Жара набирала силу, а он всю воду отдал боту. Он не хотел сильно пить, просто, наверное, ещё от раны не отошёл, поэтому чувствовал себя неважно. И что особенно его тревожило, так это то, что пальцы в левой руке немеют. Он их разминал и пытался работать кулаком, сжимал и разжимал его, но это слишком не помогало.

В первой попавшейся лавке, в которой торговали саранчой, купил холодной воды, выпил литр маленькими глотками. Заметил, как от неё сразу стало полегче. А ещё заметил, что денег у него осталось всего семнадцать копеек. Впрочем, вода и еда на сегодня у него была. Оплатить ночлег... А вот спать ночью он сегодня не собирался. Он собирался перекантоваться днём,

переждать жару, обязательно поспать, а к вечеру заняться добычей денег. А где ему можно было поспать, если в «Столовую» ему почему-то идти не хотелось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.